

"Одинокая душа для ведьмы с ребенком (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Часть 1. Вспомнить все

Лицо обожгла резкая боль, в глазах вспыхнули и погасли искры, я поняла, что падаю, услышала проклятия вперемешку с отборной матерщиной, полный ужаса детский крик и отключилась. Похоже, всего на несколько мгновений — в себя пришла, встретившись макушкой с полом, ребенок еще кричал, но теперь детский голосок почти заглушался гулом и треском. Перед глазами стояло алое марево, вокруг полыхало жаром. Откуда-то я знала, что проклятия и мат были в мой адрес, что меня только что попытались убить, а я каким-то образом защитилась. А еще — что нужно довершить начатое. Что именно «начатое», как «доверить», что вообще происходит — мозг ответа не давал.

— Мама, мамочка! — по моему лицу зашарили ледяные детские ладошки. —

Мамочка, не умирай! Я боюсь! Мама!

Я давно жила одна. Дети выросли, да и внуки были уже постарше плачущего рядом со мной малыша — судя по голосу, ему года три-четыре, не больше. Но это «мамочка» и отчаянный детский плач включили женские инстинкты, а ощущение смертельной опасности заставило подскочить на ноги, подхватить вцепившегося в меня ребенка и броситься прочь.

За спиной оглушительно затрещало, что-то рухнуло, пол под ногами дрогнул. Моя тень метнулась среди алых всполохов — длинная и какая-то неправильная, словно изломанная о невидимые углы и искаженная кривыми зеркалами. Я врезалась плечом в закрытую дверь, вывалилась на улицу, споткнулась обо что-то и упала, едва успев извернуться, чтобы удар о землю не пришелся на ребенка.

Чьи-то осторожные руки, полные ужаса и сочувствия голоса, прохладная вода, вой сирены, всхлипывания прижавшегося ко мне малыша — я воспринимала все это без участия разума. Глотала воду и какие-то таблетки, сидела тихо, пока женщина в белом халате обрабатывала мое лицо и руки, кивнула, услышав: «Ребенок цел, вы слышите? С вашим сыном все хорошо. Чудо, но он совсем не пострадал». Послушно отошла, когда меня отвели в сторону, чтобы не мешала пожарным.

Языки пламени вырывались из окна, чернел, съезживаясь, заплетающий стену виноград, воняло гарью и паленым волосом. К горлу подкатил комок, я сглотнула, и мне дали еще воды, резко пахнувшей валерьянкой и пустырником. Черный дым сменялся клубами пара, меня о чем-то спрашивали, потом кто-то сказал: «Шок». Потом огонь погас, пожарные ворвались в дом, за ними — медики... Вскоре вынесли накрытое с головой тело.

Меня увела к себе соседка.

Я не помнила ее имени. Я вообще не знала всех этих людей, которые называли меня по имени, что-то объясняли полицейскому, ахали, искренне сочувствовали и неискренне соболезновали. Не знала даже имени ребенка, который все еще прижимался ко мне, обнимая ручонками за шею. Я понимала, что происходит нечто не просто странное, а невероятное, невозможное, из серии «ни в какие ворота», но почему-то принимала все равнодушно, как само собой разумеющееся. Шок, да.

Меня укутали в плед, усадили в мягкое кресло и сунули в руки кружку с крепким, ароматным чаем. Подошла девочка лет четырнадцати, присела на корточки, протянула руки, сказала тихонько:

— Олечка, пойдем ко мне на ручки? Мы с тобой тут рядом посидим, не бойся. Твоей маме

нужно выпить лекарство и немного успокоиться. Хочешь, я принесу книжку, посмотрим картинки?

Малыш помотал головой и вцепился в меня еще крепче.

— А яблочко хочешь? Свежее, только с дерева.

— Он слишком испугался, — объяснила соседка. — Но ты, дочка, не уходи. Мало ли что понадобится.

— Конечно, мам.

Так, значит, мой малыш — Олежка, а это соседская дочка. Серьезная девочка, похоже. Но кто я? Та «я», которую я помнила, спокойно заснула у себя дома после совершенно обычного вечера и никак не могла очутиться в этом совершенно мне незнакомом месте, среди незнакомых людей и с чужим малышом на руках. Малышом, который называет меня мамой, и что-то во мне откликается...

Кстати, здесь самое начало вечера: опустились первые сумерки, но фонари еще не горят... Впрочем, летом темнеет поздно.

Я сделала крохотный глоток чая. Руки затряслись, девочка быстро перехватила чашку, а соседка обняла меня, присев на широкий подлокотник кресла, забормотала успокаивающе:

— Маришка, дорогая, все хорошо. Все закончилось. Ты жива, твой сынок жив и здоров, а козлу твоему туда и дорога, давно говорили ему, что допьется.

— Он бил маму, — сказал вдруг Олежка.

Соседка ахнула.

— Куда? Марина, где болит? Может, позвать врача? Лена, сбегай, скорая еще не уехала?

Я попыталась пожать плечами. Получилось наполовину: та сторона, которой я вышибла дверь, от попытки пошевелиться вспыхнула болью. Девочка умчалась, соседка так и сидела рядом, тихонько гладила меня по голове, а я все сильнее дрожала, и даже близость испуганного ребенка не помогала сдержаться.

— Сынок, — прошептала я, из последних сил подавляя подступившую истерику, — ты не бойся, сейчас уже нечего бояться, все хорошо. Просто я тоже испугалась.

Он в ответ обнял меня еще крепче.

Вбежала все та же женщина в белом халате, за ней вошел полицейский.

— Она начала говорить, — объяснила соседка.

Полицейский придвинул себе табурет, положил на стол папку, достал бумагу и ручку.

Лена все-таки взяла у меня Олежека, шепнув ему, что маму будет лечить тетя-доктор.

Полицейского я не стеснялась. Дала себя осмотреть и снова чем-то смазать, отстраненно вслушиваясь в торопливую скороговорку врача, диктующего для протокола все мои ссадины, ожоги и ушибы. Инстинкт подсказывал плыть по течению.

Чай остыл. Руки все еще дрожали, но истерика отступила, и, когда полицейский спросил, что же произошло, я честно попыталась вспомнить.

— Я легла спать... — Дальше был провал. Как объяснить, что я — не я? И нужно ли вообще об этом говорить? — Я не помню!

— Что вы помните?

Я бездумно поднесла руку к лицу — туда, где помнилась резкая боль, после которой была темнота. Прикосновение запустило нужную цепочку воспоминаний.

— Больно. Упала. Малыш плакал, просил не умирать. Потом треск... Чувство опасности, очень сильное. Я схватила ребенка, понимала только, что нужно спастись. Все.

— Малыш, а ты что помнишь? — осторожно спросил полицейский.

— Папа кричал и сильно ругался, — прошептал Олежка. — Он бил маму и кричал «сдохни».

Малыш захныкал. Я торопливо протянула руки:

— Иди к маме, маленький. Все хорошо. Я ведь не умерла, правда? Ты попросил меня не умирать, и я не умерла. Ты у меня умничка, смелый мальчик. Спас маму.

Я прижимала его к себе, укачивала, шептала, что бояться больше нечего, что храбрые дяди-пожарные потушили пожар, а папа ушел далеко-далеко и больше никогда не вернется и не будет нас обижать. И с каждым словом все яснее чувствовала, что не брошу этого ребенка.

Кто я, где я, будем разбираться потом, но малыш мой, и точка.

Врач смотрела на меня так внимательно, что становилось не по себе. Я машинально потерла лоб.

— Голова болит? — быстро спросила она.

Я покачала головой: после всех ее мазей, капель и таблеток боль почти не ощущалась, только состояние было слишком заторможенное. Но с этим странным «я — не я» нужно было что-то делать. Все тот же инстинкт криком кричал, что правду лучше не говорить. И я решилась.

— Голова уже не болит, но я ничего не помню. То есть, до момента удара — вообще ничего. Даже... даже не помню, как зовут... звали... мужа. И вас не помню, — я виновато поглядела на приютившую меня соседку.

Врач осторожно дотронулась до моих висков, я вскрикнула — прикосновение откликнулось ослепительно яркой болью и алой вспышкой перед глазами.

— Как тебя зовут? — мягко заданный вопрос влился в уши, я ответила, не думая:

— Марина...

И запнулась. Уверена я была только в имени.

Под осторожными массирующими движениями боль утихала.

— Сильный удар, — объяснила врач, — сотрясение мозга, да еще и психологический шок.

Память вернется. Может быть, не вся, но вернется. Не тревожьтесь. Чем меньше тревоги, тем скорее все придет в норму. В больницу вас можно не забирать, сильных ожогов нет, внутренних повреждений тоже, кости целы, повезло. Но как минимум три-четыре дня рекомендую постельный режим. Если будет слабость, головные боли, головокружения — лежите, станет хуже — вызывайте врача. Назначения... — задумавшись не больше, чем на полминуты, она быстро исписала листок списком лекарств. — Найдется, кому сходить в аптеку?

— Конечно, — тут же уверила соседка. — Кстати, Марина, я Вера. Если что не вспомнишь, спрашивай, расскажу.

Мы все расписались в протоколе. Руки у меня снова тряслись, и невнятная закорючка никого не удивила, кроме меня самой — кажется, обычно я расписываюсь не так?

— Оставайся пока у нас, — предложила Вера.

Идти в пустой, чужой дом было страшно, и я согласилась.

— На одну ночь. Не хочу вас стеснять, мне только в себя прийти...

— Даже и в голову не бери, сколько нужно, столько и оставайся! Мы ведь соседи. Ты нам тоже всегда помогала, не помнишь, так поверь на слово.

Я снова закуталась в плед: трясло и знобило так, что зуб на зуб не попадал. Долго сидеть не пришлось: пока выпила еще одну кружку чая, Вера приготовила для нас с малышом гостевую комнату. Отвела меня к кровати, уложила, и я тут же провалилась в сон.

* * *

Мне снился пожар.

Я живу — то есть жила — в старом двухэтажном доме на четыре квартиры, еще довоенной постройки, скрипучем и рассохшемся. Загорелась квартира внизу, у нас там неблагополучные жильцы, от них всего ждать можно. Ядовитый дым тянулся по вентиляции, просачивался на лестницу и под двери, в щели перекрытий. Я не проснулась. Когда разгорелось пламя и случайные прохожие забили тревогу, ни внизу, ни в моей квартире спасти было некого. Наверное, это была легкая смерть, но все равно стало больно. Я вскинулась, просыпаясь, хватаясь за горло и кашляя. Захныкал Олежка — его уложили в старой детской кроватке без бортиков. Я протянула руку, погладила встрепанные мягкие волосы:

— Ш-ш-ш, маленький, тише. Маме приснился плохой сон, не страшно. Все хорошо, спи.

Малыш затих, а я лежала, глядя в темноту, и кусала губы, чтобы не зарыдать. Этот сон был не просто плохой. Откуда-то я знала — с абсолютной, кристальной ясностью! — что видела правду. Что я на самом деле умерла там, дома. Не будет больше споров с дочерьми о всякой ерунде, не стоящей, по большому счету, споров. Не будет сказок на ночь для внуков, летних поездок с ними к морю, семейных встреч на дни рождения и новый год. Не будет насмешек за мою любовь к даче и моих ответных: «А яблочки с клубничкой любите?»

Только в юности кажется, что шестьдесят три — почтенный возраст. Я вовсе не считала себя старухой. Да мне бы еще жить и жить! Правильно дети ругались, что цепляюсь за старую квартиру в глухой провинции, уехала бы к ним, как не раз предлагали — жила бы.

Но я люблю провинцию, а московские ритмы жизни меня пугают. Пугали...

Сдерживаться становилось все труднее, по щекам текли слезы, и я постаралась отвлечься, думать о другом. Тем более что тема для раздумий была, и очень даже актуальная

— что со мной вообще произошло и до сих пор происходит?! Как-то все это не слишком похоже на загробное существование.

Эта мысль словно выключила меня — я провалилась то ли в сон, то ли в очередное видение, снова точно зная, что вижу правду.

Вокруг плясало пламя, я лежала на полу — одна рука неловко прикрывает лицо, глаза закрыты, из-под волос и со лба течет кровь. Ко мне прижимался бело волосый худенький малыш в веселой пижамке с зайчиками, пытался стереть с лица кровь и плакал, умоляя не умирать. Рядом валялся полуголый мужик, придавленный рухнувшим шкафом. Лица разглядеть не получалось, впрочем, как и моего. Но ясно было, что мужик мертв — шкаф всюду полыхал, а он и не дергался.

На этот раз я подскочила молча, зажимая рот. Затошнило. На столике рядом с кроватью стояла вода, я выпила полстакана залпом и тихо выдохнула. Малыш спал. Бедный ребенок, пережить такой ужас...

Снова ложиться было страшно, но голова кружилась, и сидеть сил не было, а едва я дотронулась головой до подушки, как провалилась в сон.

Теперь я рассмотрела своего здешнего «мужа». Небритый коротко стриженный мужик в драных джинсах и майке. Темные слегка волнистые волосы, темные глаза, четкие линии лица. Красавчик даже с этой неопрятной щетиной. И фигура что надо, видно, что сильный, такой обнимет — дух захватит. Вот только чудится мне, что лупил он «меня» не реже, чем обнимал.

Мне снился наш обычный семейный вечер. То есть я-то знала, что это дико, что я бы никогда не стала терпеть подобного, и в моей настоящей жизни, с моим мужем, все было иначе. Но я из-сна воспринимала происходящее как должное или, по крайней мере, привычное.

Брань супруга, недовольство «неправильным» ужином — в чем неправильность, я так и не поняла. Пиво из горлышка бутылки вместо семейного чаепития. Долгие и нудные жалобы на какие-то непонятные мне нововведения на работе. Отповедь на просьбу поиграть с Олежкой: «Вытирать мелкому соплю — твое дело. Вот подрастет, научу его быть мужчиной». Да уж, такой научит...

Между тем во сне я уложила сына, почитала ему сказку перед сном, поцеловала, переключила лампу на ночник и тихо вышла. Детская была на втором этаже, я спускалась вниз, сама не зная, что собираюсь делать — то ли убраться в кухне, то ли посидеть немного в гостиной. Настоящая я — та, которая смотрела сон и оценивала происходящее в нем — мысленно усмехнулась: «идет, как бабочка на огонь».

«Огнем» был мужчина, сидевший в гостиной — что-то во мне решительно отказывалось воспринимать его как мужа. Но та «я», которая спускалась сейчас по скрипучей лестнице, придерживаясь одной рукой за перила, а второй торопливо приглаживая волосы, и в самом деле стремилась к этому огню. Не думая, не пытаюсь понять себя, не стараясь выглядеть привлекательней в его глазах, готовая принять все, что он ей даст.

Я-она остановилась на последней ступеньке лестницы, окликнула негромко:

— Макс?

Значит, Макс. Б-р-р, никогда не нравилось это сокращение.

— Сюда иди, — отозвался он из гостиной.

Того, что было дальше, я предпочла бы не видеть. Или хотя бы забыть. Нет для меня ничего привлекательного в сексе на продавленном диване под бубнящий телевизор, без нежности, без внимания к моим потребностям, с полупьяным небритым мужчиной. Этот козел просто пользовался своей женой, как вещью. Удовлетворил потребность, буркнул вместо хоть каких-то слов любви:

— Сегодня футбол в полпервого, я тут посплю. Разбудишь на работу.

Никогда не понимала женщин, западающих на вот такое. Что эта «я» в нем нашла?!

Словно в ответ, сон продолжался: теперь события перескочили на несколько лет назад. Я училась — во сне я не поняла, где и на кого, но атмосфера шумных студенческих будней мне нравилась. У меня были подруги, приятели, и был Никита — парень, с которым нас считали парочкой. Чем-то похожий на Макса — или это Макс оказался чем-то похож на него?

Целоваться с Никитой было сладко, а от того, как он брал меня за руку, сначала поглаживая запястье, а после переплетая пальцы, я замирала и растекалась от нежности.

Глупая влюбленная девочка... Я-настоящая видела, что этот тип просто забавлялся с симпатичной девчонкой. Хуже того, откуда-то я знала, что у него есть невеста. Это не афишировалось, Никита никогда не рассказывал о себе, о своей семье, «та» я понятия не имела о том, что ее первая великая любовь банально считает ее «неровней». Кем-то низшим, годным только для развлечения.

Он и развлекался — по полной программе. Классика соблазнения — прикосновения, поцелуи, свидания-признания, конфеты-букеты, и в одну прекрасную ночь — постель.

Разумеется, с обещаниями «быть вместе». И, разумеется, это «вместе» только в мечтах девчонки виделось с пышной свадьбой, уютным домом и радостями семейной жизни. Парня вполне устраивал вариант «постоянная любовница».

Гром грянул, когда семья Никиты объявила о свадьбе. Тогда-то «я» и узнала, что его брачный контракт был заключен, когда ему самому исполнилось два года от роду, что его будущая жена совсем ему не нравится, но это не имеет никакого значения, потому что семьи должны породниться. Средневековье какое-то! Хотя, когда идет речь о слиянии капиталов и прочем бизнесе, средневековые понятия о браке вполне актуальны до сих пор...

Тогда же выяснилось, что имел в виду Никита под «вместе». И этот гад еще так все развернул, что девчонка, отказавшись стать его любовницей, сама нарушила собственные клятвы! Я не поняла, что, как и почему, но во сне очень остро ощущалось, что клятвы здесь

— не просто так. Нарушившего их ничего хорошего не ждет. Может, это всего лишь приметы и суеверия, но «я» во сне в них верила, и все вокруг — тоже. И было такое ощущение, что эта вера — не на пустом месте.

С этим ощущением я и проснулась.

Сон помнился до мельчайшей детали, до каждого чувства, мысли, прикосновения.

Студенческая жизнь, напомнившая лучшие деньки моей собственной молодости. Слепая затопляющая нежность от ласк Никиты, любовь и надежды на будущее, смертельное, безнадежное отчаяние. Тоскливое смирение от брани Макса, стыдное физическое удовольствие от его колючих поцелуев и грубого небрежного секса. Страх в те вечера, когда он получал зарплату: от выпивки мозги у мужика отшибало напрочь, зато агрессия хлестала через край.

Я передернулась — мне вдруг тоже стало страшно, до мороза по коже. Я отчетливо помнила собственную смерть — нет, две смерти. Я-из-сна подмешала мужу какое-то «верное» снадобье от пьянства, а мужику эта пищевая добавка не понравилась, как и поползновения жены «полечить» его без его согласия и от того, что сам он болезнью не считал. Он и так-то, выпив, буйствовал, а тут вообще резьбу сорвало, и вот итог...

Непонятным осталось, как и почему начался пожар. Я попросту не видела этого: как раз с этим моментом совпало ощущение, что я как-то защитилась и нужно что-то завершить.

Почему-то казалось, что именно тогда я умерла в своем теле и каким-то образом притянулась в это. И что на самом деле «защитить» и «завершить» относилось вовсе не ко мне, а к ребенку.

С этим нужно было разобраться, но... нет, не сейчас! О «муже» тоже думать не хотелось, его смерть воспринималась как подарок судьбы, и сжимало застарелой тоской сердце, когда вспоминался мой, настоящий, с юности и на всю жизнь любимый.

Оставались студенческие времена и связь с Никитой, но с этим все было ясно без особых раздумий. Богатенький умненький мальчик, не обремененный совестью, и наивная дурочка — история стара, как мир.

Наверное, за Макса она выскочила из обиды, желая что-то кому-то доказать.

Вполне возможно, что внешнее сходство с Никитой тоже сыграло роль. А может, и не только внешнее? Совести не было у обоих, уж это точно. И девчонку оба ни в грош не ставили. Вот есть же дуры, которые постоянно наступают на одни и те же грабли! Здешняя «я», кажется, была как раз из таких.

За окном уже занимался рассвет, прозрачно-синий, сверкающий поздними звездами и звенящий далеким петушиным криком. Я сходила в туалет — все вчерашние ушибы дали о себе знать, ноги подкашивались, в голове плескалась боль, и пришлось придерживаться за стену. Вернувшись в комнату, я долго сидела, глядя на сладко спящего Олежку. «Дурой была твоя мама, малыш, самой настоящей дурой. Не знаю, как и почему я очутилась на ее месте, но раз уж так вышло, я тебя не брошу. Все у нас с тобой будет хорошо, обещаю».

Снова вернулось пойманное во сне ощущение, что клятвы и обещания в этой новой для меня жизни — не пустые слова. Как будто кто-то услышал и сказал безмолвно, но внятно: «Я запомнил». Наверное, странно, что наяву меня это испугало меньше, чем во сне

— но, с другой стороны, чего бояться? Бросить на произвол судьбы ребенка я бы не смогла в любом случае.

* * *

У Веры мы прожили неделю. Первые три дня я поднималась с постели только для того, чтобы

умыться, сходить в туалет или поесть. Болела голова, ныло тело, подкашивались от невероятной слабости ноги, а донести до рта ложку, не растеряв еду, казалось почти непосильным делом. Сменную одежду для меня и Олежки Вера принесла из моего дома сама.

Почти все время я спала — и видела сны. Они отпечатывались в памяти, цепляясь один за другой, вставая на правильные места, выстраивая картину моей здешней жизни. Я принимала их как данность, не пытаясь обдумывать, анализировать или сомневаться. Это потом, после. Сейчас мне нужна была информация, и я знала, что сны дают ее. Я не сомневалась, что все увиденное — правда. Несколько раз в снах мелькали уже знакомые мне люди: Вера, ее муж Илья, старшая дочь Лена и младшая Натуся. Во сне Лена играла с моим Олежкой и читала ему книжки точно так же, как наяву, и я знала, что часто просила девочку посидеть с малышом. Ей нравилось возиться с детьми.

С Верой мы общались чисто по-соседски: присмотреть за детьми, одолжить немного соли или луковицу, поделиться интересным рецептом. Наши мужья ограничивались формальным «привет, сосед»: Илья не уважал людей, не умеющих вовремя остановиться в выпивке, а Макс отзывался о нем презрительно: «чистоплюй».

Никиту и приятелей по учебе я больше не видела, и похоже было на то, что доучиться «мне» не пришлось. Выскочила за Макса так быстро после свадьбы Никиты, что вряд ли это было обдуманное и осознанное решение. Скорее уж от вселенской обиды и в помрачении рассудка.

Эту свадьбу я увидела во всех подробностях, и молодожены вовсе не показались мне счастливой парой. Хотя Макс явно был рад женитьбе. Кидал на невесту вполне однозначные взгляды голодного самца, ухмылялся пошлым шуточкам друзей. Иногда и руки распускал — в пределах приличий, но все же. То приобнимет покрепче, то ладонь соскользнет с талии пониже. В общем, картинка «не слишком романтичный жених, с нетерпением ожидающий первой брачной ночи».

Невеста ничего не замечала. Бывает, что витают в облаках от счастья, но здесь скорее было похоже на полное и беспросветное отчаяние. Девчонка попросту поставила крест на собственной жизни. Спрашивается, зачем ей это понадобилось? За нелюбимого — назло?

Кому назло-то, Никите, всему миру или себе самой? Дура, ой дура...

Свадебный обряд царапнул меня чем-то непривычным, и это было странно — уж свадеб я на своем веку перевидала. Но самое странное — я не могла понять, что не так.

Вроде бы обычный гражданский брак в торжественном варианте, то есть не тесная комнатка ЗАГСа, а нарядный зал, гости, музыка, лепестки роз и первый вальс. Пафосная тетка произносит торжественную речь насчет «быть вместе в горе и в радости» — никогда не вслушивалась особенно, в этот момент обычно куда интереснее разглядывать невесту и гостей. Согласен ли жених — «да», согласна ли невеста — «да». «Объявляю вас мужем и женой, можете поцеловать друг друга». А дальше — шампанское, торт, всеобщее разудалое веселье с застольем, украденная туфелька невесты, в общем, все как у людей.

Странно. Хотя какая теперь разница? Девчонка свое отмучилась, и мне с этим козлом не жить.

После этого сна я стала потихоньку возвращаться в реальность. Вставала. Сначала сидела в кресле, укутавшись в плед, смотрела, как Олежка играет с Натусей, слушала, как Леночка читает им сказки или показывает картинки в азбуке, разучивая буквы. Потом стала ходить. Что-то помогала Вере по кухне — не слишком вдумываясь, автоматически. Ела, не замечая, что

ем, но слабой себя больше не чувствовала. Синяк на пол-лица потемнел и выглядел ужасно, отшибленное о дверь плечо часто немело, рука слушалась плохо, но я знала, что скоро все пройдет.

Похороны почти не отложились в моей памяти. Меня шатало, я с трудом воспринимала происходящее. Поняла лишь то, что родственники не приехали, а хоронили за счет завода, на котором Макс работал. Все прошло быстро — попрощались, закопали, народ двинул куда-то на поминки, а меня Вера отвезла домой, сама сняла с меня глухое черное платье, заставила выпить таблетку и уложила спать. В тот раз мне ничего не снилось.

Утром седьмого дня я долго стояла перед большим зеркалом в прихожей, разглядывая себя. Тонкая изящная фигурка — господи, да откуда у такой худышки взялись силы двери вышибать?! Да еще и с ребенком на руках... Прямые очень светлые волосы красивого золотистого оттенка, бледная кожа. Учитывая, что на дворе конец лета, загар ко мне, похоже, совсем не липнет. Кончики волос оказались подпалены, а во сне у меня была коса

— недлинная, чуть ниже лопаток, но все же. Я спросила у выглянувшей ко мне Веры:

— Только волосы обгорели? Мне повезло, да?

Вера порывисто меня обняла:

— Отрастут твои волосы, зато лицо цело.

Я хмыкнула, осторожно пощупав все еще болезненный синяк. Вера принесла из аптеки, в числе прочего, какую-то незнакомую мне мазь от ушибов. Хорошую — синяки помельче уже почти сошли, но этот поддаваться не хотел.

— Синяк не ожоги, сойдет и следа не останется, — рассудительно сказала Вера. —

Чудом ведь выскочила! И Олежек цел.

— Могло быть хуже, и жизнь продолжается, — подвела я итог. — Только я, кажется, не все вспомнила.

— Вспомнишь, не переживай. Память будет возвращаться постепенно. Это от шока, ну и сотрясение мозга было, похоже. Доктор же сказала отлежаться, да и правда, ты едва вставала. Теперь все наладится, вот увидишь!

Ее заразительный оптимизм мне нравился. Я и сама была такой же — в своей жизни.

А с той жизнью, что мне досталась теперь, еще предстояло разбираться.

Вот ведь... Никогда не верила в переселение душ и прочую мистику, и в церковь тоже не ходила. Слишком в меня вьелось материалистическое воспитание. Если, как сказал классик, каждому воздается по вере его, то меня после смерти должно было ждать небытие.

Ну что ж, будем считать, что ошибалась. Тот случай, когда приятней ошибиться, чем обнаружить собственную правоту. Думать о том, что на самом деле я умерла, о том, что дети остались без матери, а внуки без бабушки, было больно. Но такова жизнь. Нужно отпустить их и прежнюю себя и принять себя нынешнюю — я чувствовала, что так будет правильно.

Зато здесь мне не мои шестьдесят три, а слегка за двадцать. Нет ставших привычными

хронических болячек, не ноет спина, не болят колени. И фигурка снова как в молодости. Да почему «как», это и есть молодость!

— Жизнь продолжается, — повторила я. — Надо посмотреть, что с домом. Сходишь со мной? Что-то страшно...

Дом стоял незапертый, но никто за эту неделю в него не влез. Еще одна странность — ну не верила я в поголовную порядочность взрослых и нелюбопытство детей! Но факт оставался фактом: на обгоревшем подоконнике любые следы были бы видны, дверь из гостиной в сад была завязана тесемкой с печатью, прочие окна и «парадная» дверь остались в целости. Я срезала тесемку и потянула дверь на себя. В нос ударил едкий запах гари.

Гостиная выгорела целиком. Черные голые стены, закопченный потолок, пол без следа дерева — бетон и пепел. От стоявшей здесь мебели, от люстры, телевизора, торшера осталось разве что несколько мелких металлических деталек, оплавленных до неузнаваемости. Не думала, что так бывает.

Вера чихнула, у меня тоже чесался нос и щипало в глазах. Но тягостное чувство, с которым я сюда шла — как будто собираюсь тревожить умерших или претендовать на чужое

— почему-то исчезло. Ведь, если подумать, именно здесь, в этой комнате, совсем недавно умерли двое — та, чье тело я занимаю, и ее муж. А мне стало вдруг спокойно...

— Как ты? — шепотом спросила Вера.

Я пожала плечами:

— Так странно. Мне кажется, что дом по мне скучал и радуется. Мне стало спокойней. Давай посмотрим кухню и другие комнаты, если там все в порядке, мы с Олежкой уже сегодня можем вернуться.

— Ты ведь знаешь, что вы нам не в тягость? — спросила Вера.

— Знаю, — я улыбнулась. — Но это наш дом.

Кухня была... грязной. Заплесневевшие остатки ужина, вонь из мусорного ведра, опрокинутая бутылка из-под пива и засохшее темное пятно на линолеуме под ней — это хотя бы понятно. Но залапанные дверцы шкафчиков и холодильника, замызганная печка, изрезанная клеенка в каких-то пятнах... Фу. Я брезгливая, в кухне должна быть идеальная чистота. А здесь ведь еще и ребенок ел! Ужас! Ну ничего, вычищу. Зато пожар кухню не затронул, даже запаха гари почти не ощущалось.

Лестница скрипела точно так же, как в моем сне. От наших ног оставались темные следы, и в комнаты на втором этаже мы заходить не стали, только заглянули. Все там было в порядке. Пыльно, воздух затхлый, и только. В детской стояла на столе тарелка с печеньем, а по полу раскатились цветные карандаши.

— Оставляй Олежку у нас до вечера, — предложила Вера. — Уберешься... Ну и хоть поплачешь спокойно, если подступит. А хочешь, и ночевать возвращайся.

Плакать я не собиралась, но строить из себя железную леди или бесчувственную стерву перед соседкой и, похоже, единственной близкой подругой — тоже. Обняла Веру, пробормотала:

— Спасибо тебе, спасибо!

Проводила ее до прихожей, отперла дверь — ключи торчали в замочной скважине, целая связка. Нужно будет разобраться, какой откуда, хотя это, наверное, не самое срочное.

Ох, у меня теперь все срочное...

Дверь я оставила открытой — пусть проветривается. Обошла дом, распахнула все окна. Нашла ведро, тряпку и швабру: не таскать же по всему дому гарь и пепел на тапочках.

И принялась за дело. Обгорелые стены мыть я пока не возьмусь, но остальное должно сверкать! Чтобы никакой грязи, никакого, мать его, разлитого пива, вони и плесени! Мне сюда ребенка вести.

Выплескивая в сад под яблоню третье ведро грязной воды, я поймала себя на том, что напеваю под нос. Водилась за мной такая привычка: когда руки заняты, а голова свободна, само собой что-то складывалось в слова и строчки, без особого смысла, но работа от этого спорилась, а настроение поднималось.

Что ж, почему бы и не потащить хорошие привычки в новую жизнь?

А еще почему-то показалось, что и дом, и деревья в саду радуются моей незамысловатой глупой песенке.

* * *

Все-таки физическая работа и в самом деле прочищает мозги. Я уже отдраила полы в гостиной и занялась кухней, когда в голову пришла неприятная мысль: а мой ли это дом?

Вдруг он взят по кредиту или ипотеке и еще не выкуплен? Или мы его и вовсе снимали? И что тогда делать?

Этот простой и очевидный вопрос словно прорвал ту плотину в мозгу, которая отгораживала меня от реальности. Я работала или нет? Если да, то где, кем и что делать с неделей прогулов? Если нет, то на что жить? Положена ли мне какая-нибудь пенсия по потере мужа? Пособие на ребенка? Кстати о ребенке, он ходит в детский сад или сидит со мной дома? Если детский сад — то где, на каких условиях, кого я там должна знать? Есть ли у нас родственники, и если есть, то где они? Тут такая трагедия, и никому дела нет?

И кстати о родственниках, где я вообще нахожусь? В смысле, какой это город? Год?

Мой ли это мир? Вроде бы все здесь достаточно привычно, но почему-то же возникает иногда ощущение чуждости и непонятности. А как хочется хотя бы издали поглядеть на своих, убедиться, что с ними все в порядке...

Что ж, отдохнем немного от уборки, тем более что это тело уже устало до дрожи в ногах. То ли не выздоровела окончательно, то ли сама по себе такая хлипкая, непривычная к работе... Ну да с этим мы разберемся. Позже.

А пока я поднялась на второй этаж, остановилась в нерешительности, гадая, откуда начать поиски документов, и почти на автомате открыла одну из дверей.

Здесь была, очевидно, супружеская спальня — широкая кровать, небрежно застеленная

выцветшим покрывалом, массивный одежный шкаф с исцарапанной дверцей, времен примерно моей бабушки, и неожиданно изящный секретер светлого дерева с перламутровой инкрустацией, категорически неуместный среди окружающего убожества. На широком подоконнике валялась газета, круглый механический будильник с остановившимися стрелками показывал половину второго. И хоть бы коврик какой на полу, не говоря уж о зеркале со столиком для косметики... Не скажешь, что здесь живет молодая красивая женщина. Правда, зеркало в рост должно быть на внутренней стороне дверцы шкафа — помню я такие шкафы, ведь и правда у бабушки точь-в-точь такой же был. Открыла дверцу, оглядела свое отражение — бледная, растрепанная, вспухший синяк от виска до губ все еще радуется переливами от черно-фиолетового до багрового. М-да. И в люди-то не выйдешь с таким украшением.

Осмотр одежды отложила на потом. Сначала — найти документы. Выяснить о доме.

Да что дом, я ведь даже фамилии своей здешней не знаю!

Секретер был не слишком вместительный — узкий, на две полочки и три ящичка. На верхней полке стояло несколько флакончиков и баночек, лежали три тюбика губной помады, резная деревянная шкатулка с брошками, заколками и прочими безделушками. Рассмотрю позже. На нижней — аккуратная стопка тетрадей, ручка и два карандаша, несколько книг, большой блокнот в мягких бумажных корочках и круглая жестяная коробка из-под какого-то импортного печенья. В коробке болтались три катушки ниток — белые, черные и голубые, воткнутая в сложенную бумагу иголка и разрозненные пуговицы. Ну-ну. Сразу видно, что за рукодельница здесь жила.

Документы нашлись в первом же из ящичков, аккуратно сложенные в картонную школьную папку для тетрадей. Мне было не до аккуратности — вытряхнула на откидную столешницу сразу все. Мой паспорт, свидетельство о браке, свидетельство о рождении Олежки — это потом. Развернула тонкую стопку сложенных вдвое листов. Почему-то дрожали руки. Ну да, волнуюсь. Момент истины, чтоб его...

Договор страхования имущества. Отложить, прочитаю потом внимательно, надеюсь, там есть страховка от пожара. Договор накопительного пенсионного вклада, Промышленный Банк, вкладчик — Вольный Максим Андреевич. Очевидно, муженек, чтоб его. Узнать, могу ли я снять, как вдова. В суммы не вглядывалась — нетерпение зудело в пальцах, отдаваясь мелкой дрожью: дальше, дальше! Договор накопительного вклада на ребенка, тот же Промышленный Банк, вкладчик — снова Макс, получатель — Вольный Олег Максимович в день совершеннолетия. И то хлеб, надеюсь, инфляция не съест к тому времени. Тоже читаю потом в деталях. Дарственная. Вот оно! Дарственная на дом. «В день бракосочетания моего внука, Вольного Максима Андреевича, ему и его жене, Вольной Марине Витальевне, в девичестве Андреевой». Кажется, я физически ощутила, какая гора упала с плеч. Из дома нас не погонят. Спасибо, дорогая бабушка — я нашла подпись — дорогая бабушка Антонина Михайловна. Тоже, кстати, Вольная. Я перечитала дарственную еще раз, с наслаждением вчитываясь в каждую букву. Заодно и адрес запомнила —

Цветочная, 14, город Новониколаевск... хм, первый раз слышу. Хотя городок, судя по всему, небольшой, мало ли таких. Дата... тысяча девятьсот семьдесят второй. Забавно. Мало того, что имя-отчество и девичья фамилия у меня с этим тельцем совпадает, еще и свадьба в один год была. И забросило меня, получается, на сорок с лишним лет назад. Найти, что ли, себя молодую, подсказать хоть что о будущем? Эх, не поверю ведь. Да и не помню я никаких странных встреч в собственном прошлом. Но все же попытаться...

Додумать мысль не получилось — я, наконец, обратила внимание на то, что буквально бросалось в глаза. На что попросту не привыкла смотреть, читая официальные документы. Герб, полное название инстанции, адрес, включая страну. «Российская Империя».

— Мать честная, — вырвалось у меня. — Ну и куда я попала?!

Да, молодую себя здесь найти точно не получится. То ли параллельный мир, то ли даже не параллельный, а черт его знает вообще какой.

Я отложила документы, спустилась в кухню, машинально помыла стоявшую на столе кружку с остатками чая. Налила воды из-под крана. Нет бы сразу выпить, потащилась с этой водой наверх. Российская Империя. Не то чтобы я была против империи, мне, по большому счету, все равно, лишь бы людям жилось по-людски. Но все же... Надо хоть школьный учебник по истории найти, что ли. Можно у Веры спросить, Леночкин.

Да здравствует официально установленная врачом амнезия, что бы я без нее делала.

Я села на кровать и выпила воду мелкими глотками, усиленно отгоняя от себя панику.

Прорвемся. Амнезия есть, подруга есть, жилье есть. С остальным буду разбираться по ходу дела. Но все же... Интересно, война здесь была? Ох, Маринка, не о том думаешь, важнее не что было, а что будет. Развал Союза, голодные девяностые, кризис, безработица — своих дочек я растила в адски тяжелые времена, не хотелось бы повторять. Тем более там у меня был Саша, с его установкой «мужик я или не мужик, а если мужик, то семью обеспечу».

Отставить мысли о прошлом, не до них сейчас.

Я отложила дарственную и взяла банковские договоры. Так, посмотрим. На себя Макс вносил десять рублей в месяц, на Олежку — пять. СКОЛЬКО?! Я одним глотком допила остатки воды. Спокойно. Здесь конец семидесятых, а не две тыщи шестнадцатый. Я нашла дату последнего взноса — 12.08.1977. Если вспомнить, у нас в те годы тоже в ходу были рубли-копейки, а не баксы с евро. Спички — одна копейка, хлеб — шестнадцать темный и двадцать две белый, зарплата — как сейчас помню свою первую получку, сто двадцать рублей. На первых порах, наверное, тяжело будет переключиться, ну ничего, привыкну. Я хотя бы помню, что «копейка рубль бережет» — не только фигуральное выражение.

Перечитав бумаги внимательно, я немного успокоилась. Вклад на Олежку, в случае прекращения ежемесячных взносов, не пропадал, а копил проценты до его совершеннолетия.

Ну и хорошо, пусть пока лежит, сколько есть, а там посмотрим. Вклад Макса, в случае его смерти, наследовался семьей, нужно было лишь переоформить все в банке. Сумма, правда, выглядела смешной — двести десять рублей, но и то хлеб.

— Маришка! Эй, ты где?

Я быстренько сложила документы обратно в папку.

— Марин, ау-у!

— Здесь я, — я выглянула в коридор, — что, Вер?

— Пойдем-ка, пообедаешь.

В животе заурчало. Это сколько ж я здесь уже вожусь? А еще мыть и мыть...

— Иду! — поколебавшись, я убрала документы в тот же ящик, закрыла секретер и побежала вниз. Все равно пора отдохнуть.

— Ты оживаешь, — одобрительно заметила Вера, когда мы вышли из полутемной прихожей на улицу. Я остановилась, вдохнула полной грудью — пахло летом. Спелыми яблоками, травой, нагретым асфальтом. Я только сейчас хоть немного рассмотрела свой дом и улицу, всю из таких же домов — небольших коттеджей из красного кирпича, кое-где увитых виноградом или плетистыми розами, с низкими деревянными заборами, над которыми свисали ветви яблонь и груш, с нестриженной травой, с деревянными столбами фонарей. Тихая провинция, да еще и окраина, похоже.

— Оживаю, — кивнула я. — Первый признак — до меня дошло, сколько нужно сделать, и все срочно. А я неделю валялась!

— Ну и ничего, все сделаешь. Гляди, у Ленки пока каникулы, малого у нас оставляй, а сама разбирайся. Две недели, должна успеть.

Так, ясно, в садик мы с Олежкой не ходим.

— А вот у меня отпуск кончился, завтра на работу, — Вера вздохнула.

— А ты вместо отдыха со мной возилась...

— Ой, да не бери в голову! Вот честно, Марин, что ты за человек такой стеснительный! Будь уже настоящей ведьмой, в самом деле.

Я невольно рассмеялась:

— Придется.

Надеюсь, те, кто здесь меня знал, не слишком удивятся перемене характера. Я теперь не затюканная мужем рохля, а одинокая женщина с маленьким ребенком. Жить-то надо — и жить не абы как, а по-человечески. Чем не повод измениться?

* * *

Договорились, что эту ночь мы с Олежкой поспим еще у Веры, а завтра вернемся домой. Обговорили и то, что оставшиеся две недели до школы я могу приводить мальчика к соседям на весь день, и Лена присмотрит за ним. Заодно выяснилось, что Натуська тоже пойдет в школу, в первый класс, и что Олежка ей завидует и тоже хочет, и даже уже выучил «почти почти все буквы».

Хорошо бы его и правда в садик отдать. Только вот, если он до сих пор сидел дома, значит, не так здесь просто с садиками? Или не по средствам было, или еще что... Ох, сколько же мне нужно всего «вспомнить»! И как? Амнезия амнезией, но совсем не знать элементарных вещей все равно будет странно.

В таких мыслях я и вернулась домой. Постояла на пороге, оглядывая чисто вымытую прихожую, обгорелый косяк двери в гостиную и видневшийся в дверном проеме кусочек серого бетонного пола. Запах гари ощущался уже не так сильно, а совсем он выветрится, наверное, нескоро. Ну и ладно. Дом достаточно большой для нас двоих, без одной комнаты пока вполне

можно обходиться.

Напротив гостиной была кухня, в конце прихожей — лестница на второй этаж, в кладовке под лестницей я еще с утра нашла ведро, половую тряпку и швабру, а вот дальше, в узкий коридорчик справа, не заглядывала. Теперь посмотрела. Под лестницей оказалась еще одна кладовка, в которой хранились зимние вещи, две двери напротив вели в туалет и ванную — и хотя бы здесь было чисто! Дверь в торце коридора выходила во двор, там виднелись какие-то сараи — тоже нужно будет посмотреть. Да уж, фронт работ разрастается стремительно.

На кухне я провозилась почти до вечера. Выдраила все, вынесла на мусорник два ведра пивных бутылок, испорченных продуктов и грязных пакетов, и заодно — клеенку со стола, уж очень гадостно она выглядела. Запас продуктов не порадовал, посуды тоже был самый минимум, и, кажется, я поняла причину недовольства Макса в том сне: похоже, его Марина готовила не слишком вкусно. Вообще, если судить по кухне, девчонка была на редкость плохой хозяйкой.

Зато на холодильнике лежал кошелек, и я наконец-то разглядела местные деньги, а заодно поняла, какими суммами придется располагать. Бумажные десятка и три рубля, металлический рубль, две монетки по пятнадцать копеек, два пятака и копейка. М-да.

Впрочем, паниковать рано, сначала нужно выбраться в магазин.

А еще неплохо бы пошарить по карманам Максовой одежды. И вообще обыскать дом на предмет записок, пьющие мужики — они такие, все деньги жене ни в жизнь не отдадут. Я обвела кухню внимательным взглядом — ее, пожалуй, можно считать обысканной, и что действительно нужно срочно — это закупить продуктов. То есть придется выходить на люди с этим ужасным синячищем, искать магазин... я передернулась. А куда деваться? Ладно, того, что есть по закромам, при разумном использовании дней на пять хватит, но хлеб и молоко в любом случае нужны уже завтра. Сама бы я обошлась, но мне ребенка кормить.

Настроение испортилось. К Вере и ее семье я привыкла, но, оказывается, панически боялась сделать первый шаг в большой мир. Меня там многие могли знать, я же не знала никого, не разбиралась в ценах, в жизни вокруг, вообще ни в чем!

— Так, спокойно, — я поставила на огонь чайник и достала смятую пачку с заваркой.

Вот, кстати, чаю тоже докупить, здесь осталось на два-три раза. — Спокойно, дорогуша.

Высунуть нос наружу все равно придется. Чем раньше, тем лучше. Пока у тебя шок, амнезия, последствия сотрясения мозга и все такое прочее. Кого не узнаешь — извинишься, объяснишь и познакомишься заново. Нормальные люди поймут.

Я заварила чай, выскребла в розетку остатки варенья из сиротливо стоявшей в шкафу литровой банки. Яблочное. Кстати, посмотреть, что там у меня в саду. И поискать погреб, не может быть, чтоб такой дом и без погреба!

Словно нарочно к чаю, переливчато зазвонил звонок. Дверь все еще нараспашку, Вера зашла бы так, значит, кто-то чужой. Я выскочила в прихожую в легкой панике. Лицо стоявшей на пороге дамы показалось смутно знакомым. То ли во сне ее видела, то ли на похоронах. Именно «дама»: белокурые локоны под летней шляпкой, скромное на вид, но явно дорогое крепдешинное платье, легкий ландышевый запах духов.

— Здравствуйте, Марина. Как вы себя чувствуете, я не помешала?

И интонации... нет, не высокомерные, но чувствуется в них нечто, выдающее происхождение и воспитание. Такую просто женщиной, а уж тем более «теткой», не назовешь.

— Нет, что вы, проходите. Только, простите... я вас вроде бы помню, но не знаю.

Доктор говорит, это из-за шока. Пройдете в кухню? Гостиная, к сожалению...

Гостья покачала головой, бросив быстрый взгляд в выгоревший дверной проем, и ласково отозвалась:

— Конечно, дорогая, я с удовольствием посижу в кухне. И не смущайтесь так, мы с вами не знакомы, хотя вы, конечно же, могли меня видеть. Я Ксения Петровна, из городского благотворительного комитета. Зашла узнать, чем мы можем вам помочь.

Как же хорошо, что я успела навести порядок! Запускать гостей в тот срач, что там был — это ж стыда не оберешься! И так-то неловко, эта Ксения Петровна на кухне будет смотреться не слишком уместно.

— Чаю? — я достала вторую кружку, сахарницу — сахара в ней оказалось чуть меньше половины.

— Садитесь, Марина, я налью себе сама. Вы неважно выглядите. Где ваш сынок?

— У соседки. Я только сегодня достаточно пришла в себя, чтобы вернуться в дом, но здесь нужно хотя бы порядок навести.

Гостья покивала, осторожно отпила чай.

— Вы пейте, Марина. И рассказывайте.

Крепкий горячий чай подбодрил, я глубоко вздохнула и призналась:

— Я ничего не знаю. Не понимаю, что нужно сделать срочно, что подождет. Какие документы нужно оформить. У нас есть страховка, но я ничего в этом не смыслю, нужно куда-то с ней идти или кого-то вызывать домой, чтобы осмотрели ущерб? И еще это ужасное ощущение, что я могла забыть что-нибудь важное. Я слишком привыкла полагаться на мужа, а теперь...

Торопливо отпила еще чаю, опустив глаза. Я не знала, полагалась ли Марина на мужа, но это было логичное объяснение.

Ксения Петровна пила чай и довольно откровенно осматривала кухню. Кошелек так и лежал на краю стола, она на мгновение задержала на нем взгляд и спросила:

— Что у вас с финансами?

— Пока не знаю, — честно ответила я. — Наличных четырнадцать рублей с копейками, но... понимаете, Макс выпивал. Я думаю, нужно поискать, он мог что-нибудь припрятать для себя. И в банк сходить, он откладывал на пенсионный счет. Там двести десять рублей.

— Вы уже думали, как будете жить дальше?

— Нет. Я пока не могу думать. Все так сложно и внезапно.

— Понимаю. Извините. Вам нужно время, чтобы осознать случившееся. Но, Марина, жизнь

продолжается. У вас сын.

Мы допили чай в молчании. Отставив опустевшую чашку, Ксения Петровна заговорила:

— Насчет страховки и прочих документов, будьте завтра дома, я пришлю человека. А о будущем... Марина, вы молоды, вы кажетесь довольно рассудительной особой, вам просто нужно время. Верьте мне, все будет хорошо. Я буду навещать вас иногда, вы не против?

— Я буду рада, — искренне ответила я. — Спасибо. Вы знаете, Ксения Петровна, я сейчас и правда поверила, что справлюсь. Как раз до вашего прихода я сидела в полной панике и думала о том, как мне страшно и что со всем этим делать.

— Значит, я пришла вовремя, — она улыбнулась. На стол легла простая белая визитка. — Мой телефон. Звоните, если что-нибудь понадобится.

Я проводила ее до дверей и постояла, глядя, как она идет к калитке, усаживается в белый автомобиль с открытым верхом и аккуратно отъезжает. Благотворительный комитет.

Что ж, очень приятно, будем знакомы.

Почему-то меня очень порадовало, что мне не стали совать деньги или, хуже того, продуктовый набор, детские книжки и прочую «гуманитарную помощь». Хотя, если я правильно поняла, вопрос денег остался открытым, если попрошу — дадут. Но я и в долг-то просить не люблю, а это была бы фактически милостыня. Нет уж, поверчусь сама. А вот помощь с документами будет очень кстати.

Визитку я прочитала очень внимательно: даже из минимума информации можно делать выводы. Шульц Ксения Петровна, благотворительный комитет города Новониколаевска, ул. Петровская, 28. Телефон пятизначный. М-да, много выводов из этого не сделаешь, если ты не Шерлок Холмс. Хотя, пожалуй, стоит добавить тот факт, что гостья из благотворительного комитета умеет вызывать симпатию и доверие. Я вовсе не склонна откровенничать с незнакомыми людьми, и уж тем более пускать их в дом. В конце концов, в моем родном мире по квартирам ходят мошенники, а не благотворители. Надо спросить у Веры, что это за благотворительный комитет такой и можно ли им верить.

В секретере оставались не осмотренными еще два ящичка. Честно говоря, теплилась мысль о том, что это подходящее место для хранения семейного денежного резерва. Но, видимо, Макс с Мариной денег дома не копили. В одном ящичке была аптечка — градусник, таблетки, бинт и вата, пластырь, плотно закупоренный флакончик зеленки. Из другого я выгребла ворох писем и открыток. А вот это хорошо, это я прочитаю. Средство от амнезии.

Глядишь, и родня найдется.

До вечера я еще успела убраться наверху, благо здесь все было в порядке, только пыльно. Спальня, детская и две комнаты, которыми, похоже, не пользовались. Одна вообще пустая, в другой — только широкий письменный стол и табуретка перед ним. Ящики стола пусты. Комнаты могли бы служить гостевыми, детскими для большой семьи, кабинетом с библиотекой. Обживусь — посмотрим.

В торце короткого коридорчика была крутая и узкая лесенка наверх — на чердак, видимо. Туда я пока не полезла.

* * *

Визитку Ксении Петровны я показала вечером Верочке и Илье. Оказалось, в городе и в самом деле есть благотворительный комитет, очень даже уважаемая организация. И мою гостью Вера по описанию узнала — действительно одна из дам-основательниц этого самого комитета, никакого подвоха. Наверное, мое изумление слишком явственно отразилось на лице, потому что Вера пожала плечами:

— А что тебя удивляет? Ты сирота, Максова родня тебя за свою не считает, осталась одна с ребенком, разве ты не заслуживаешь помощи?

— Я просто вообще забыла, что есть такой комитет, — выкрутилась я. — Глупое чувство, даже не знаю, что еще я могла забыть. Максову родню, кстати, тоже не помню.

— Они в Москве, — сказала Вера, — в нашей глухомани им делать нечего. Макс после смерти бабушки с ними разругался, ты рассказывала. А тебя только та бабушка и любила.

— Никого не помню, — вздохнула я. Знакомиться с Максовой родней желания не было, но от слов о незнакомой мне бабушке стало грустно.

Может быть, поэтому ночью я увидела ее во сне. Бабушку Антонину Михайловну, ту самую, что подарила нам этот дом, и родителей Макса. Автокатастрофа. Похороны, совершенно убитый Макс, Марина в том же черном глухом платье, всхлипывающая совершенно по-детски. Какой-то неприятный тип брызжет слюнями, разоряясь, что Макс поимел достаточно — вон, аж целый дом от бабули, и ответное «да подавись» Макса. М-да.

С этой стороны никаких родственных чувств лучше не ждать.

Марина же выросла в детдоме — то есть, здесь это называлось приют. И не сказать, что такое уж несчастное детство. У девочек были хорошие условия, они не голодали, о них заботились. Неплохое образование, квоты на поступление в институт — вот только у девчонки хватило ума бросить учебу и выскочить замуж, но это уже другой вопрос.

Просто даже самый лучший детдом — не семья. Любви на всех не хватало, да и любовь там другая. Не родительская. Потому, может, у Марины и не ладилось ни с мужем, ни с хозяйством. Наверное, это уже мои личные тараканы, на самом деле бывают ведь такие родители, которые хуже любого детдома. Просто для меня семья всегда была на первом месте.

Грустные это были сны, я проснулась на мокрой от слез подушке, хотя лично меня, вроде бы, они и не затрагивали. Но то ли остался во мне какой-то след прежней Марины, то ли просто близко к сердцу приняла... И письма с открытками утром читать не стала, отложила на потом. Собрала документы, надела все то же черное платье и стала ждать обещанного Ксенией Петровной человека.

Я как раз успела перебрать и сложить кучей в прихожей одежду Макса, предварительно обшарив карманы и набрав почти сорок рублей мелочью, выбрать из этой кучи почти новые рубашки, которые можно будет перешить себе или Олежке, и вернуть их обратно, потому что ну его нафиг, донашивать что-то за этим козлом. Звонок застал меня с охалкой мужской обуви, которую я тащила сюда же из кладовки.

Девушка в легкомысленном сарафанчике улыбнулась мне и сказала:

— Вы Марина, и вам нужно помочь с документами. А я Оля. Давайте проверим, что у вас на

руках, и поедем.

День сорвался с места со скоростью стартующей ракеты. Улыбчивая Оля в пять секунд охватила взглядом все мои документы, кивнула: «Отлично!» — и через полминуты ее автомобиль уносил нас в неведомые для меня дали. Надо сказать, пробивная сила у Оли тоже была сравнима с оружием массового поражения, или же благотворительный комитет имел везде право первоочередного входа. Я болталась прицепом, подписывала «где галочка» и не старалась особо вникать, целиком сосредоточившись на окружающем мире. В чем ходят по улицам и в чем сидят в конторах, как к кому обращаются, как здороваются и прощаются, как выглядит полицейский, а как — банковский охранник... Заодно примерно запомнила, где располагаются тот самый Промышленный Банк, страховая контора, полицейский участок и ЗАГС.

И все это — часа за три, не больше. Потому что уже к обеду я была дома — официально оформленной по всем нужным инстанциям вдовой, нуждающейся в пенсии на ребенка, со снятым вкладом Макса и с обещанием страхового агента прибыть сегодня же. От чая Оля отказалась: «Прости, совсем некогда», — зато согласилась прихватить с собой Максовы шмотки, подтвердив, что благотворительный комитет раздаст их нуждающимся.

В какой момент из этих трех часов мы перешли на «ты», я не заметила, но оптимизмом и энергией Оля зарядила бы и депрессивную улитку. Проводив ее, я поймала себя на том, что прошлое погасло в памяти, оставшись неясной и неважной тенью. Я и раньше понимала, что нужно думать о будущем, но теперь «нужно» превратилось в «хочу». А что? Я молодая и, как совершенно правильно заметила Ксения Петровна, «довольно рассудительная особа», у меня свой просторный дом с большим участком — всегда о таком мечтала, между прочим! Дача в ста двадцати километрах от города — совсем не то. А главное, что бы там ни было дальше с личной жизнью, на которую пока что совсем не тянет, мне есть о ком заботиться. Да и вообще, жить — это прекрасно!

В ожидании страхового агента я успела сварганить супчик из того, что нашлось в закромах, пообедать и по-быстрому осмотреть участок. Большую его часть занимал сад:

несколько неухоженных яблонь, заросли вишни, густой малинник и три куста смородины, давно нуждающиеся в обрезке. Никаких грядок, хотя места для них хватает. К счастью, особо злостных сорняков тоже не было, густой ковер травы скорее напоминал цветущий луг. Я никогда особо не разбиралась в травах, но, наткнувшись на Melissa и аптечную ромашку, постановила для себя не спешить сажать картошку, а для начала проверить, что еще полезного у меня уже растет.

Всю эту прелесть чисто символически отделял от двора низкий покосившийся штакетник. Во дворе росла огромная груша, словно разделявшая его на две части. В дальней стояли два крепких просторных сарая, забитых разнообразным хламом — я предположила, что это осталось еще от бабушки. По крайней мере, выглядело все давно и основательно заброшенным. Что ж, будет чем заняться, когда с домом разберусь.

За сараями обнаружили заросли крапивы, поленница и куча сухих веток. На поленнице спала, растянувшись пузом кверху, пушистая рыжая кошка. На мое «кис-кис» она и ухом не повела. Наша или нет? Ладно, поживем — увидим.

Ближняя половина двора — от груши до уличного забора — была обжитой.

Низенькие детские качели, клумба с ноготками и бархатцами, два раскидистых куста чайной

розы, а вдоль забора — острые листья ириса и кусты шиповника, густо усыпанные плодами.

И самая прелесть — выложенная битым кирпичом довольно большая площадка для пикников: стол с двумя лавочками и с большим умом сложенная стационарная печка, которую можно было использовать и как мангал, и для обычной готовки, и для сушки фруктов. Чем, кстати, не помешало бы заняться прямо сейчас, в саду полно упавших яблок.

Будет из чего компоты зимой варить.

Я привстала на цыпочки, дотянулась до красивой груши с румяным боком. Твердая.

Очень похоже на тот сорт, что рос у нас на даче — зреет поздно и лежит до Нового года.

Вход в подвал я тоже нашла, рядом с той дверью, что вела во двор из коридора.

Удобные ступеньки, каменный свод, бетонный пол — не подвал, а бомбоубежище. Крепкие полки по стенам. Пустые. Крепкие деревянные лари для овощей и плоские ящики для фруктов. Тоже пустые.

— Позорище, — в сердцах выдала я. — Безрукие они оба были, что ли! Такое хозяйство развернуть можно, а в доме всех запасов — полкило вермишели! Ну ничего, уж ято к зиме нахомячу. Стыдно такой погреб пустым держать.

Уже развернувшись к выходу, заметила у самых дверей старый книжный шкаф, обшарпанный, с забитыми фанерой вместо стекла дверцами. В дверце торчал ключ. Я невольно улыбнулась: у деда был такой же. Вытащить бы, привести в порядок... Книг во всем доме было — только те несколько штук, что лежали в секретере, и с десятков ярких детских «раскладушек». Наверное, если что и было, то в гостиной. Но дома без книг я себе не представляла.

Я погладила торец шкафа и поднялась во двор.

И вовремя — от калитки к крыльцу уже шел забавный толстенький дядечка, говоривший со мной в страховой конторе.

— Марина Витальевна, еще раз доброго вам дня! Показывайте, где горело, каков ущерб?

Я завела его в гостиную, и он присвистнул, оглядев черные стены и изрядно закопченный потолок.

— Так-так-так... Для чистоты, так сказать, картины пол стоило бы оставить как было, но я понимаю, чистота в доме для женщины важнее. Тем более ребенок, да. Другие комнаты не пострадали?

Я покачала головой. Спросила:

— А что, не нужно было мыть?

— Не страшно, мне, конечно, было бы проще, но и вас можно понять, да, — он тархтел, сухим горохом выстреливая слова, а сам тем временем водил вдоль стен каким-то щелкающим приборчиком, то замирал, то передвигался на другое место, и я решительно не понимала, что он вообще делает. — Полицейский протокол я изучил, остаточный фон ему соответствует, так что к вам, Марина Витальевна, никаких претензий. Соболезную, так сказать. Трагическая случайность, роковое, так сказать, совпадение, да. Вашему мужу стоило быть осторожнее. Ну

что ж, Марина Витальевна, картина, так сказать, ясна и однозначна, где можно присесть заполнить протокол?

Я отвела его в кухню, слегка ошеломленная этим потоком слов. К счастью, хотя бы писал он молча. Солидная перьевая ручка поскрипывала, то замирая, то порхая над листом бумаги, я думала о том, что сейчас самое время пойти поискать магазин, а то вечером Олежку забирать, не кормить же ребенка пустой вермишелью или овсянкой на воде.

— Ну вот, Марина Витальевна, ознакомьтесь, так сказать, и распишитесь. Страховая выплата вам положена, подходите в нашу контору завтра в любое время, все оформим в лучшем виде.

Протокол был коротким и предельно ясным, но смысл дошел до меня не сразу.

Наверное, это и к лучшему: я расписалась автоматически, автоматически попрощалась, и уже оставшись одна, без сил опустилась на стул и спросила то ли у стены, то ли у чайника:

— И что мне с этим делать? Если в официальном документе причиной пожара указан «неконтролируемый детский выброс стихийной силы»... и если от этого страхуют... то есть это здесь в порядке вещей?!

Часть 2. Как жить дальше

«Здравствуйте, дорогие мои внуки Максим и Марина и милый правнук Олеженька.

Рада вам сообщить, что у меня все благополучно, надеюсь, у вас также. Зима в этом году необычайно холодная, я сделала себе настойку от простуды и ежедневно ее пью. Марина, обязательно сделай и ты для своей семьи, давай Максиму по столовой ложке утром и после работы, Олеженьке по чайной ложке в горячее молоко после прогулок, а сама пей утром и после выходов в людные места. Рецепт пишу тебе отдельно.

Максимушка, это очень хорошо, что ты начал неплохо зарабатывать, но не будь легкомысленным. Ты теперь глава семьи и обязан думать о будущем, а не жить сегодняшним днем. Я крайне не одобряю твою мысль о покупке мотоцикла. Помилуй, Максим, какой мотоцикл?! Ты уже не юноша, которому нужно распускать хвост перед девушками, ты семейный человек. Лучше задумайся об автомобиле, если так хочешь иметь собственный транспорт. Но мое мнение, что при твоей нынешней зарплате, с неработающей женой, маленьким сыном и планами на второго ребенка будет куда как разумнее класть излишки на банковский счет. Обдумай это.

Дальше можешь не читать, я хочу чисто по-женски поболтать с Мариной. Будь разумен, дорогой мой Максимушка, береги жену и сына. Надеюсь летом приехать к вам в гости и сказать тебе лично все то, что не считаю уместным писать.

Маринушка, с тобой я тоже о многом хочу поговорить летом, но некоторые темы откладывать крайне нежелательно. Прежде всего это ваше желание второго ребенка. Я крайне рада, что вы не поддались модным ныне веяниям и не собираетесь ограничиваться одним Олеженькой. Но хочу тебе сказать, что о втором ребенке ты можешь думать не раньше, чем через год-полтора. Я не знаю, объясняли ли тебе такие нюансы, поэтому прости старую ведьму, если мои слова покажутся тебе слишком резкими — поверь, я люблю.

У Олеженьки большой потенциал, это уже видно. Но ты не слишком сильная ведьма, а Максим и вовсе обделен силой. Ты должна понимать, чего стоит для слабой ведьмы без подпитки от мужа выносить сильного ребенка. Прежде чем снова забеременеть, ты должна полностью

восстановиться. Подумай о себе и о будущем ребенке, чем больше будет твой резерв, тем легче пройдет беременность и тем сильнее будет малыш.

Плохо, что мы ничего не знаем о твоих родителях, прогнозы лишь по одной ветви родословной крайне неточны. Однако учитывая, что и мой отец, и мой муж были боевиками огненной стихии, велика вероятность, что ваши с Максимом дети унаследуют этот дар, а он чрезвычайно энергоемкий. Поэтому беременность на спаде силы тебе противопоказана, и мой тебе совет — займись не просто восполнением резерва, но его наращиванием. Да, упражнения требуют времени, но ты можешь себе позволить тратить хотя бы час в день на себя, ради своей силы и силы будущих детей. Займись, Маринушка.

И еще одно хочу тебе сказать письмом, не дожидаясь личной встречи. Очень жаль, что тебе пришлось покинуть институт, но теперь, когда Олеженька подрос, ты должна вернуться к учебе. Хотя бы дома, чтобы не позабыть всего, что тебе успели преподать, и продвинуться в том, что можно изучить самостоятельно. Да, с двумя, а то и тремя детьми ты вряд ли будешь полноценно работать, но нет ничего хуже для ведьмы, чем запирает себя в стенах дома и заниматься лишь семьей и хозяйством. Это погубительно для дара, Маринушка, а твой дар хоть и невелик по силе, зато чист, грех его губить.

Пусть не институт, но настройся на то, чтобы при возможности закончить хотя бы практические курсы. Только подойди трезво к выбору. Целительница из тебя не выйдет, характер не тот и силы маловато, а вот снадобья — это твое. И самой пригодится, и семье подспорье, верный кусок хлеба даже в тяжелые времена. Я помню, что в институте тебе не слишком нравилось именно это направление, но у вас там, строго между нами, та еще мегера преподавала. Сталкивались мы с ней, помню. А ты попробуй без того, чтобы кто-то над душой стоял, погрузись в это, прочувствуй, тогда поймешь. Завораживающее это дело, Маринушка. Сама бы тебя поучила, да годы уж не те, чтобы надолго с места срываться. Но вот приеду летом, хоть немного тебе да передам. Да и рецепты родовые будет кому оставить.

Печально это, Маринушка, когда в твоих детях и внуках сила не проснулась, и уж как я рада, что Максимушка себе ведьму нашел. Зная о том, что в моих правнуках родовой дар продолжится, и умру спокойно.

Знаю, Маринушка, что ты сейчас подумала, не тревожься, это я так, к слову. Мечтаю прожить еще долго, научить тебя всему, что знаю, а может, и правнучке что передать. Жду с нетерпением лета, когда обниму и тебя, и Максимушку, и Олеженьку.

Ваша бабушка Тоня».

Я сложила письмо и убрала его к остальным прочитанным. Последнее письмо Антонины Михайловны, и необычно длинное для нее, как будто и в самом деле предчувствовала скорую смерть. В прочих письмах она дежурно отмечала, что здоровье в порядке, хвалила Макса, что взялся за ум и работает, давала советы неопытной в семейной жизни и воспитании детей Марине и от души радовалась первому зубику, первым шагам, первым словам Олежки. Марине, похоже, именно она заменила и мать и свекровь сразу — родителям Макса невестка не нравилась, это очень явственно читалось между строк их коротких писем и сухих открыток.

Письма я читала два дня. Конечно, не так много их было, но я не смогла читать подряд, мне понадобились перерывы — когда уложить в голове информацию, а когда и справиться с чувствами. Наверное, виноваты сны, в которых я проживала куски жизни Марины с полным в них погружением, но многое в ее прошлом я теперь принимала слишком близко к сердцу.

Я уже знала, что Марина последовала совету бабушки Тони, хотя бы частично. На курсы она не пошла, но дома училась, делала упражнения по наращиванию резерва, хотя со вторым ребенком у нее не получилось — я не поняла, почему.

А еще она готовила для себя, семьи и соседей простенькие лечебные снадобья. Ту самую настойку «от простуды» (на самом деле для профилактики), рецепт которой, написанный крупным округлым почерком бабушки Тони, я нашла в секретере в одной из тетрадок. Микстуру от кашля, капли от насморка, обтирание от температуры — эти рецепты были в отдельной тетрадке, надписанной: «Для детей». Мазь от ушибов и синяков — начатая баночка стояла в том самом книжном шкафу в подвале, видимо, хранить ее нужно было в прохладе и темноте. Сильная мазь, лучше той, что принесла мне Вера из аптеки: на второй день синяк еще не сошел, но поблек и почти не болел.

Содержимое того шкафа в какой-то мере примирило меня с пустым подвалом: чем-то Марина все же занималась и о каких-то запасах заботилась. Три полки из пяти были заняты травами в полотняных и холщовых мешочках, бумажных пакетах, стеклянных банках с притертыми крышками. Все подробнейшим образом надписано, мне бы и в голову не пришло, сколько всего нужно учитывать, собирая травы. Той же ромашки, которую я в прежней своей жизни пила частенько, покупая в аптеке готовые пакетики, здесь было тридцать два варианта сбора! Тридцать два!! Бутоны, распустившиеся цветки, цветки с листьями, отдельно листья. На убывающую луну, прибывающую, в полнолуние и новолуние.

В сушь и после дождя. А уж обо всех способах приготовления, почитав те самые «простенькие» рецепты, я боялась даже гадать. Это вам не аптечный пакетик в заварочный чайник кинуть! Зато стало ясно, зачем в кухонном шкафчике точнейшие аптечные весы и десяток ступок с пестиками — медная, стальная, глиняная, фарфоровые и деревянные разных размеров...

Еще одну полку занимали чайные сборы. Травяной чай и три вида цветочных можно было пить вместо покупного, но чего там еще только не было! Чай бодрящий, успокаивающий, для лучшего сна, для восстановления сил, при простуде, при кашле, при головной боли... Сбор, надписанный «для Олежки», пах мятой и шалфеем. На одной банке была наклейка «Верочкин» — этот благоухал чайной розой и мелиссой. Так что чай из магазина перестал быть актуальным.

На пятой полке нашлись два полотняных мешочка с сушеной вишней, килограмма по три в каждом, и почти пустой — с сушеным же шиповником. Судя по биркам, вишня была этого года, а шиповник — прошлого. Я еще раз отругала себя за поспешное суждение: то, что у Марины не стояли по полкам банки с вареньями и соленьями, вовсе не делало ее лентяйкой. Просто она то ли не умела, то ли не желала вести домашнее хозяйство так, как считала правильным я. Зато всю занималась другим.

И это другое казалось таким интересным, что руки чесались самой попробовать! Тем более что я уже проверила себя на контрольном упражнении из тех самых, для резерва, и обнаружила, что сила во мне есть. Большая или маленькая — это второй вопрос, ведь сравнивать мне было не с чем, но она отзывалась. А в секретере у Марины лежали книги и тетради, которые я собиралась изучить самым тщательным образом. Названия завораживали:

«Контроль потоков силы», «Теория и практика энергетических воздействий», «Справочник травника», «Методики увеличения силы: от упрощенных до продвинутых», «Памятка для молодой ведьмы», «Лечебные и косметические снадобья — теория подбора ингредиентов», «Клятвы и обряды»...

В «Клятвы и обряды» я залезла сразу же, как дернуло что. Книжица оказалась познавательной. Даже нет, не так: не просто познавательной, а объяснившей мне собственные смутные ощущения. Проглотив ее за пару часов и перечитав отдельные моменты, я смогла понять, что, собственно, произошло с Мариной. Разумеется, вслух я бы назвала это всего лишь предположениями, но в глубине души была уверена.

Итак, глупая девчонка гуляла с парнем, который не собирался на ней жениться. Они клялись друг другу в любви и в том, что будут вместе, но каждый подразумевал свое. Важно еще и то, что клятва совсем не обязательно должна быть обставлена торжественно, достаточно сказанных искренне и от души слов. «Вначале было Слово», оказывается, имеет под собой вполне серьезную почву, Слово — это сила, и, как любую силу, применять ее нужно, трижды подумав...

Никита женился, предложив Марине продолжать сложившиеся отношения. Марина оскорбилась до глубины своей чистой и наивной души, сочла себя преданной и в раздразе выскочила за Макса. По факту козел и скотина тут Никита, но формально предала клятвы только Марина. Он не обещал жениться на ней, а всего лишь «быть вместе». А любовь... что любовь, ее каждый понимает по-своему, и если Никита был уверен, что любит — слово не нарушено.

Это было первое нарушение, и очень серьезное, потому что клятвы дружбы, любви и партнерства относятся к основополагающим. И тут же последовало второе — она ведь выскочила замуж за нелюбимого, назло, а в брачные клятвы входит «любить друг друга».

Она старалась быть хорошей женой, ей нравился секс с Максом, но есть у меня подозрение, что даже во время этого секса она иногда вспоминала Никиту.

Ерунда и дело житейское, с точки зрения почти любой женщины моего мира. Ужас, с точки зрения мира этого. Можно назвать это магическим откатом, возмущением информационного поля или Божьей карой, итог один — нарушенная клятва рано или поздно ударит по тому, кто ее нарушил.

Семья Марины покатила под откос тогда, когда Марина начала ее ценить. Была тут, я думаю, и вина Макса: если Марина нарушила пункт соглашения «любить», то Макс явно не понимал, что такое «беречь и уважать». Не получилось со вторым ребенком, Макс начал выпивать, стал агрессивным, и закончилось все ужасающей ссорой, стихийной вспышкой доведенного до истерики ребенка и двумя трупами.

Как в эту картину вписывалась я, оставалось загадкой. Может быть, все дело в Олежке, которому нужна была мама? Одаренный силой ребенок просил так искренне и от души... А может, совпало еще что-нибудь, кто знает? Я еще слишком мало понимала в этом мире, чтобы делать уверенные выводы.

Отложив книгу, я быстро пролистала тетради. Конспекты, рецепты, какие-то непонятные мне схемы. Ничего, разберусь потихоньку, как время будет.

В блокноте обнаружился список дней рождений, в том числе и Веры с мужем и детьми, и пара листочков напоминаний, вроде «гусиный жир у бабы Милы», «С.В. от прыщей» и «чай Макс на работу». Вспомню, кто есть кто и что к чему — отлично, нет — что поделаешь. Остальные листы были чистыми, и я тут же начала их заполнять: с таким количеством срочных дел и покупок без списков и планирования никак не обойтись.

Я собиралась как можно быстрее догнать прежнюю Марину по знаниям и навыкам, а потом

учиться дальше. Я хотела заниматься снадобьями, как советовала бабушка Тоня — еще почти ничего о них не зная, я уже чувствовала, что мне это понравится.

* * *

Разобравшись с документами и страховкой, я решила, что хватит сваливать ребенка на Веру с Леночкой, пора и совесть иметь. Да и приглядеться к собственному-то сыну. А то у него, оказывается, стихийная сила, неконтролируемые выбросы, а я, мать-ехидна, сбагрила ребенка соседям и в ус не дую.

Так что в магазин за продуктами мы с Олежкой гуляли уже вместе. Я собиралась купить понемногу самого необходимого, но все равно набралась тяжеленная сумка: сахар и мука, гречка и рис, хлеб, молоко, яйца, увесистый бройлер, кусок сыра и пачка сладкого творожка, масло сливочное и подсолнечное... А куда деваться, если дома пустой холодильник?

Рядом с магазином сидели в рядок бабульки с овощами-фруктами и прочей зеленью.

Стыдно покупать укроп с петрушкой при таком участке, но первое время придется...

— Олежек, сынок, поможешь маме?

— Да, — разулыбался он. И гордо нес до самого дома кулек с тремя луковицами, двумя морковками и пучком зелени. А я рассказывала ему, как будем сейчас вместе варить вкусный супчик, суперполезную гречневую кашу и сладкий компот из собственных яблок.

Отойдя от испуга первых дней, Олежка стал тихим и спокойным. Не представляю, насколько нужно было этого ребенка довести, чтобы так полыхнуло! Хотя, судя по обрывкам «моих» воспоминаний и словам Олежки в тот вечер, скандал был знатный. И если бы не мое появление в этом теле, которое я уже и не пыталась для себя объяснить, мальчик мог остаться круглым сиротой, а скорей всего, и сам бы погиб.

Теперь он не отлипал от меня, хотя вел себя тихо и изо всех сил старался не мешать:

похоже, приучен был к тому, что взрослые не всегда могут на него отвлекаться. Пока я готовила, сидел за обеденным столом с карандашами и раскраской. Я иногда заглядывала, хвалила: «Молодец, так красиво получается». Спрашивала, какие книжки читали с Леной и Натусей, какие буквы выучили. Спросила: «А сколько тебе годиков, помнишь?» — и малыш гордо показал ладошку с растопыренными пальчиками:

— Скоро пять.

— Какой ты у меня большой, — восхитилась я. Пять Олежке исполнялось аж в декабре, так что «скоро» было относительное, ну и ничего. Мне сейчас главное — незаметно проверить, что мальчик знает и умеет, чем нужно с ним заниматься, на что обратить внимание.

Пообедав, мы пошли в сад за яблоками. Олежка лазил по траве, собирая в ведро ту падалицу, что покрасивее, а я аккуратно снимала с дерева спелые румяные плоды. Летние яблоки долго не лежат, так что буду делать сушку, варить варенье и печь пирожки и шарлотки.

Гости пришли, когда мы с Олежкой, расположившись за столом на улице, резали яблоки на сушку. То есть резала, конечно, я, а малыш красиво раскладывал дольки на противне. В печке разгорались дрова (вот зачем поленница и сушняк!), я прикидывала, не сделать ли потом

куриных шашлычков на углях, и тут от калитки окликнули:

— Марина!

Я обернулась и не сдержала радостную улыбку:

— Ксения Петровна! Добрый день, как я рада вас видеть! Заходите, у нас не заперто,

— я и в самом деле совсем не пользовалась щеколдой на калитке. А зачем? Низкий забор не остановит злоумышленника, но если вспомнить, как дом стоял открытым неделю после пожара, и никто не влез... Зато Вера или Леночка могли заглянуть в любое время.

Вслед за Ксенией Петровной во двор вошел еще один гость. Довольно молодой мужчина, подтянутый, в классических серых брюках и светлой рубашке с коротким рукавом, темноволосый, чисто выбритый, в слегка затемненных очках в тонкой золотой оправе.

Вид у него был одновременно официальный и доброжелательный

— вполне объяснимое сочетание, если учесть, что пришел он с дамой из благотворительного комитета. Ох, а я-то в халатике...

— Алексеев Константин Михайлович, — представила его Ксения Петровна. —

Куратор и преподаватель школы для одаренных детей.

— Можно просто Константин, — он улыбнулся и как-то очень бережно пожал мне руку. — Нам передали сведения о вашем сыне. Похоже, мальчику пора в школу.

Если честно, я испугалась. Что там за школа, не отберут ли у меня малыша? Если он в четыре года такое сотворил, мало ли что дальше будет, вдруг у них такие дети на положении стратегического оружия?! Почему-то я совсем не боялась того, что Олежка может снова устроить пожар в доме. И уж точно не собиралась куда-то его отдавать!

Мгновение моей растерянности гости прекрасно заметили, и уже следующая фраза ясно показала, что я запаниковала на пустом месте. Заговорил Константин:

— Вы, наверное, думаете, что Олежка еще слишком мал для учебы? Но в его годы уже можно и нужно учиться управлять энергетическими потоками. Несложные упражнения для детей, ничего опасного, зато улучшают концентрацию и мягко наращивают резерв.

Настоящая учеба потом пойдет легче.

— А я уже и не маленький, — влез мне под руку Олежка. — Я уже почти все буквы знаю! Мама, я хочу в школу! Почему Наталя пойдет, а я нет?

Я вздохнула, погладила сына по голове, ласково растрепала мягкие белые прядки:

— Сейчас обо всем поговорим. Чаю?

Мы расположились за столом на улице. Сладко пахло яблоками, я достала травяной чай, а Олежка принес из кухни оставшуюся от завтрака половину шарлотки. Я поставила чайник, малыш сразу утянул кусок пирога и влез мне на руки.

— Расскажите подробней, что за школа, какие занятия?

— В случае с Олешкой «школа» — всего лишь название. Его возраст — это подготовительные классы. Два-три часа в день, в игровой форме, в общении с другими детьми. У нас небольшие группы, все под присмотром. К слову, к вам пришел именно я, потому что Олег попадет в мою группу: огневица должен учить огневик. И в первый класс Олег пойдет именно в нашу школу. Уроки по управлению силой будут продолжаться все время обучения, по тем направлениям, к которым у мальчика обнаружится предрасположенность или талант, он получит право поступления в институт вне конкурса.

При хорошей успеваемости и поведении — стипендию.

Что ж, звучало все это вполне разумно. Я только спросила:

— А добираться как? Далеко?

— Из вашего района, наверное, удобней всего автобусом. Я привез буклеты, посмотрите потом. Одну минуту, в машине оставил.

Константин пошел за буклетами, я аккуратно ссадила Олешку с рук: чайник как раз вскипел.

— Мама, я пойду в школу? — громким шепотом спросил Олешка.

— Пойдешь, сынок, — я поцеловала его в растрепанную макушку. — Это ведь так хорошо, что ты хочешь учиться.

— Ура! Мам, а можно еще пирога?

— Бери, конечно. А чай будешь?

— Не, я на качели, можно?

— Иди, только сначала доешь, а потом раскачивайся. — Так даже лучше: мальчик и на глазах, и разговору не мешает, и ему не скучно со взрослыми.

Ксения Петровна с удовольствием вдохнула аромат чайного сбора:

— Какая прелесть! Вот теперь я вижу, что вы оживаете. Появились мысли о будущем?

Я колебалась недолго: Ксения Петровна вызывала у меня доверие, и я уже убедилась, что верить ей и в самом деле можно. Она, очевидно, если и не была ведьмой сама, то знала обо всех этих заморочках, и раз уж мне все равно не помешает добрый совет, почему бы не от нее? Пока что помощь благотворительного комитета приходилась очень кстати.

— Знаете, я тут перечитывала письма, думала, — я разлила по чашкам чай, разрешила шарлотку. — Бабушка Тоня советовала на практические курсы пойти. Я бы хотела. Не знаю только, смогу ли сейчас.

Ксения Петровна отпила чай, одобрительно кивнула.

— А почему нет? Главное, есть желание учиться. На самом деле курсы — прекрасное решение именно для молодых мамочек. Там достаточно гибкое расписание, много самостоятельной работы. Единственная сложность — вам придется выбирать из того, что есть в городе.

— На нашей же базе, — кивнул вернувшийся Константин. — Зато сможете приводить сына и, пока он занимается, тоже учиться. Расписание подогнать — это решаемо.

— А что у вас есть?

Константин положил на стол несколько ярких буклетов:

— Здесь все. Я как чувствовал, по дополнительному образованию тоже прихватил.

Я перебрала буклеты, раскрыла тот, на котором алел заголовок «Профобразование для взрослых».

Наверное, это была судьба: с первой же страницы на меня глянули пучки трав возле ступки, аптечные весы, флаконы с бирками, и над всем этим название: «травникфармацевт». Я подняла голову и встретила внимательный взгляд Ксении Петровны и заинтересованный — Константина.

— Вот. Это оно. Что нужно для поступления?

— Достаточный уровень силы — его проверят, когда вы придете подавать заявление.

Но, насколько я могу судить, у вас, Марина, с этим все будет в порядке.

— Если что, резерв подкачаем, — подхватила Ксения Петровна. — Сейчас картина недостоверна, вы еще не восстановились. Но уже лучше, сразу после несчастного случая вы были на абсолютном нуле.

— Время есть, — успокоил Константин, — все дополнительные курсы начинаются с октября.

— И остается вопрос оплаты, не так ли? — Ксения Петровна поставила опустевшую чашку. — Вот здесь, Марина, вам нужно все очень трезво взвесить. Вы в любом случае в льготной категории, но есть разные варианты.

— Расскажите? — попросила я, подливая гостям чай.

— Конечно. Итак. Самое очевидное — государственные социальные программы. Вы, безусловно, имеете право на социальную квоту и стипендию. Но вам придется выбирать из списка дефицитных профессий и после окончания учебы выбрать место работы из нескольких, предложенных государством. Насколько я знаю, фармацевты в этом списке есть, но гарантий действительно хорошего трудоустройства вам никто не даст.

Я кивнула: понятно, способ на крайний случай.

— Далее: вы можете заключить контракт на обучение от имени вашего будущего работодателя. Откровенно говоря, способ лучше лишь тем, что вы сами заранее ищете себе работу, то есть исключаете риск, что придется срывать с места и переезжать куда-нибудь в азиатские пустыни или на Крайний Север. Но сколько лет и на каких условиях вы будете потом привязаны к этой работе — тут уж как договоритесь. Если пойдете этим путем, советую не подписывать договор без консультации независимого юриста.

Ну, эта схема и по родному миру знакома...

— Интересно, кому в нашем городе может понадобиться свой фармацевт?

— Нашей же школе нужен, — сообщил Константин. — Но у нас требования к квалификации, за темную лошадку никто платить не будет.

— Как и в любом другом достаточно солидном учреждении, — кивнула Ксения Петровна. — Будь у вас протекция, рекомендации, родовой дар — еще можно было бы поискать, и то... не все готовы рисковать.

Какое-то время мы молча пили чай. Константин с таким удовольствием смаковал шарлотку, что я не удержалась от улыбки: в мужчинах-сладкоежках есть что-то очень трогательное. Если, конечно, это мужчины вроде Константина — подтянутые, спортивные, с мускулами, но без пивного животика. Могут себе позволить!

Ксения Петровна, как мне казалось, чего-то от меня ждала, и я спросила:

— Это ведь не все варианты, правильно я понимаю?

Она улыбнулась:

— Да, я могу предложить вам альтернативу. У нашего благотворительного комитета есть свой фонд и свои спонсоры. Свой фармацевт нам тоже пригодится, но исключительно неофициально.

— То есть?

— То есть мы оплачиваем вашу учебу без всяких условий, в рамках благотворительности. Это не так сложно, как кажется: наши спонсоры, между нами говоря, отнюдь не бескорыстны, их взносы на благотворительность окупаются налоговыми льготами. Что же касается дальнейшего — так как вы никому не обязаны за обучение, то и работать можете на себя. Это, конечно, рискованней, чем гарантированное жалование, зато у вас будет стимул трудиться и совершенствоваться.

— А оформить такую работу на себя — очень сложно? Налоги и что там еще... никогда не интересовалась детально. И еще скажите, Ксения Петровна, вам или вашему комитету какой в этом прок? Я не понимаю, что такое «свой фармацевт, но неофициально»?

Хочется точно знать, на что подписываюсь, а то уж очень соблазнительно все выглядит.

— Умничка, — почему-то улыбнулась дама не мне, а Константину. — На самом деле, Марина, все просто. Мы проводим благотворительные ярмарки, у нас свой магазин для малоимущих, мы курируем городские школы, приют и центральную больницу. Разумеется, мы не ждем, что вы будете работать для нас бесплатно, и не требуем гарантий и обязательств. Но вот вам наглядный расчет. Получив право личной печати на продукции, вы можете продавать свои снадобья непосредственно клиентам либо делать им же на заказ, но для этого нужно обзавестись клиентами, не правда ли? Поначалу вам придется сдавать свою работу в аптеку. Для примера, простейшая детская микстура от кашля стоит в аптеке сорок копеек. У вас ее возьмут за двадцать. Мы закупаем оптовую партию для школ и приюта — по тридцать пять. Так уж лучше мы заплатим вам по тридцать, и вам выгодней, и нам экономия!

Я кивнула:

— Разумно.

— Поверьте, без работы вы не останетесь, — Ксения Петровна улыбнулась и добавила еще один очень веский аргумент: — К тому же у нас вы сможете обзавестись и клиентами на индивидуальные заказы. Не будем далеко ходить, если вы станете мастером, я сама с удовольствием стану покупать у вас, а не в аптеке. Там ведь не знаешь точно, насколько

качественно оно изготовлено и сколько пролежало на складе.

— А вдруг из меня не выйдет мастера? — неужели они вот так готовы идти на риск, вкладываясь в не гарантированный результат?

— А я в вас верю, — шутливо отозвалась Ксения Петровна. И продолжила уже серьезно: — Марина, поймите, я чувствую ваш потенциал. Ваш резерв сейчас почти пуст, но это временно. Я уверена, что вы сможете развить силу до уровня мастера. К тому же мы ничем не рискуем, даже в худшем случае в проигрыше никто не будет. Вы по крайней мере попробуете, наши спонсоры получают свои льготы, а мы для того и работаем, чтобы давать людям шанс.

Все эти мысли и рассуждения действительно звучали разумно и к тому же очень многообещающе, но я все пыталась найти подвох. Кто знает, вдруг я в итоге не захочу снабжать их оптовыми партиями копеечных лекарств? Сейчас-то я вообще не знаю, что здесь как и что почем! По-хорошему, стоило бы сначала обжиться, а потом договариваться, но чтобы обживаться, ни о чем не тревожась, нужны деньги. Средства к существованию. А у меня их — боюсь гадать, хватит ли хотя бы до зимы. А ведь ребенку нужны будут теплые вещи и на осень и на зиму, прежние наверняка малы! Нет, Маринушка, учиться нужно срочно, и как раз на такую специальность, которая будет востребована! И раз уж предлагают бесплатное обучение и практически гарантированный сбыт — за такую возможность нужно хвататься всеми лапами!

— Что ж, попробую оправдать вашу веру.

* * *

В школу мы решили съездить уже на следующий день: Олежке не терпелось, да и мне было интересно. Проводив гостей, мы так увлеченно рассматривали буклеты, что даже забыли про наши яблочные заготовки — хорошо, что дрова прогорели, и тонкие яблочные ломтики не пересушились до жареного состояния!

Уложив Олежку спать, я еще раз перечитала о дополнительном образовании: меня интересовали другие специальности. Нет, я не сомневалась, что хочу учиться на фармацевта, но было интересно, какие еще есть профессии для людей с «силой».

В этой школе их оказалось не так уж много. Изготовление оберегов, защита дома, страховой агент, нянечка-сиделка, косметолог, цветовод, садовник... Больше всего меня удивил страховой агент, вот уж для кого, казалось бы, вся эта магия совершенно ни к чему.

Однако я вспомнила, как дядечка из агентства осматривал нашу сгоревшую гостиную, и признала, что неправда: как минимум, наверное, он должен был чувствовать, стала ли причиной пожара «стихийная сила» или банальные спички.

Олежка подскочил ни свет ни заря. Позавтракав, мы сели на автобус, проехали до конечной (я взяла Олежку на руки и вместе с ним увлеченно смотрела в окно), а там трудно было бы не найти нужную нам школу. Улица, очень похожая на нашу Цветочную, застроенная в основном одноэтажными домами, как раз и выходила к школьной территории.

Несколько трехэтажных корпусов, сверкающие стеклом теплицы, огромный стадион, крытый бассейн — для привычных мне по родному миру школ выглядело все даже слишком круто!

Административное крыло нашли быстро — в буклете была схема. С оформлением Олежки проблем не возникло. Константин уже дожидался нас, я написала заявление, он на правах куратора дописал, что Вольный Олег Максимович будет обучаться в его группе, мы вместе

занесли заявление к секретарю младшей школы, и на этом официальная часть закончилась. Олежка вовсю крутил головой и весь светился счастьем: как же, теперь он тоже школьник! Ох, чую я, дни до первого сентября мы с ним будем считать вместе!

Константин показал нам свой класс, спортзал для малышей, бассейн-«лягушатник», площадку для игр возле стадиона. Меня подмывало спросить, школы для детей без «силы» такие же крутые или попроще, но я помалкивала. В любом случае, моему ребенку повезло, так что надо радоваться.

А потом Константин подмигнул Олежке и спросил:

— Ну что, парень, пойдём твою маму тоже в школу записывать? У нас здесь есть специальная школа для мам, а то что ж ей дома скучать, пока ты учиться будешь?

— Мама, разве ты не училась в школе?! — до глубины души изумился наивный ребенок.

— Конечно, училась, — рассмеялась я. — Но ты ведь слышал, это специальная школа для мам. В ней учат совсем не тому, чему я училась в обычной школе. Знаний много не бывает, сынок, и учиться нужно не только в детстве.

— Золотые слова, — покивал Константин. — У тебя умная мама, парень!

Мы вернулись в административное крыло, Константин сам завел меня в кабинет с табличкой «Дополнительное и профессиональное обучение», представил как маму его будущего ученика: «Так что расписание нужно будет согласовывать», — а потом предложил Олежке:

— Давай-ка, парень, посидим в коридоре, чтобы здесь не мешать. Заодно познакомимся с тобой получше.

А я осталась одна перед крайне серьезным пожилым господином, который представился как Аполлон Афанасьевич, куратор дополнительного обучения. На Аполлона он не тянул: невысокий, полноватый, с аккуратной короткой бородкой, пышными усами и крохотными бачками, и при этом с лысиной на полголовы. Лицо, хоть и строгое, вызывало скорее доверие, чем робость. Может, потому что смотрел он на меня с искренним интересом?

— Ну-с, уважаемая Марина Витальевна, я так понял, вы уже решили, какие курсы выбрать? Рассказывайте.

— Да, вот, — я раскрыла буклет, — травник-фармацевт. Нужно только проверить, гожусь ли я по уровню.

В буклет была вложена записка от Ксении Петровны о том, что в случае моей пригодности к обучению оплату берет на себя благотворительный комитет Новониколаевска. Прочитав записку, Аполлон Афанасьевич оживился и словно даже подобрел:

— Проверим, сейчас же проверим, но я практически уверен, что вы окажетесь более чем пригодны. У Ксении, знаете ли, Марина Витальевна, верный глаз. Она крайне редко ошибается в таких вопросах. Ну что ж, вставайте сюда, на середину, закройте глаза, руки вперед, сконцентрируйтесь и медленно сводите ладони. Остановитесь, когда почувствуете отклик.

Вот когда я обрадовалась, что успела хотя бы пролистать кое-что об этой «силе», «потоках» и прочей ведьминской энергетике! Разбирая упражнения, я так толком и не поняла, что за

«отклик» должна ощущать, но хотя бы нащупала, методом проб и ошибок, как и на чем концентрироваться.

Покой. Мир, тишина и безопасность. Тепло, текущее в ладони. Легкое летнее счастье.

Солнечные лучи щекочат лицо, вызывая улыбку. Между ладонями клубится пушистый, не страшный огонь, собирается в крохотное солнышко. Та грань между «тепло» и «горячо», которая вызывает ощущение уюта, дома, чашки с ароматным чаем в руках.

— Достаточно.

Я не сразу открыла глаза — слишком было хорошо. Вздохнула глубоко, выныривая из охватившей меня расслабленности.

— Отлично, дорогая моя Марина Витальевна, абсолютно замечательно. Ярко выраженное целительское направление, превосходная способность к концентрации, я могу лишь поаплодировать точности вашего выбора. Безусловно, это ваше. Резерв трудно оценить, видно, что совсем недавно сила была исчерпана до дна, но восстановление явно идет неплохо, к тому же для фармацевта концентрация куда важнее абсолютной величины силы.

Считайте, что вы уже зачислены. Оставьте свои данные секретарю, она вам перезвонит, когда пройдет оплата, приедете с документами и окончательно оформитесь. А я жду вас в последнюю неделю сентября в любой день, нужно будет уточнить расписание. И передавайте мое почтение Ксении! Впрочем, я и сам ей позвоню, за таких студентов не грех сказать «спасибо».

Я вышла из кабинета слегка ошарашенная и, кажется, такая же счастливая, как Олежка.

— Взяли! Он сказал «отлично»!

— Поздравляю, хотя я и не сомневался, — Константин широко улыбнулся и подмигнул Олежке. А я вдруг залюбовалась на его улыбку — очень искреннюю, живую, помальчишески озорную. Мой сынуля разулыбался в ответ. Кажется, они успели найти общий язык, ну и замечательно.

Ксении Петровне я позвонила прямо от секретаря. Она радостно уверила, что не сомневалась в моем успехе, сообщила, что предварительные переговоры со спонсором уже проведены и деньги будут в ближайшие дни.

— Сынок, — сказала я по дороге домой, — как ты думаешь, мы можем отпраздновать такие хорошие новости?

Ответом мне стало радостное «да!» на весь автобус, так что мы вышли на остановку раньше, у большого книжного магазина, и я предложила Олежке выбрать несколько новых раскрасок и книжек. Малыш радостно зарылся в гору раскрасок, а потом вдруг робко спросил:

— Мам, у меня есть книжки, и у Лены с Наталей книжек много, а давай лучше новые карандаши, вот эти? — и ткнул в красочную широкую коробку: чешский дорогой набор на шестнадцать цветов. Я тут же вспомнила собственное детство, когда такие карандаши действительно были не каждому доступным счастьем, и, конечно, сразу согласилась.

Пусть рисует. Это не каприз, это на пользу.

— Мам, а тебе что купим? — поинтересовался счастливый сынуля, прижимая к себе кулек с подарками. — Ты ведь тоже в школу пойдешь, значит, тебе тоже нужен подарок!

— Моя ж ты радость! Пойдем, посмотрим книги. Найдем для меня что-нибудь интересное почитать.

Я все равно планировала собрать хоть небольшую библиотечку, и не только учебников. Что за дом без книг, когда в доме растет ребенок. Нужны сказки, что-то приключенческое вроде Дюма, Купера и Майн Рида, познавательное, и кстати, все это и мне почитать не помешает, в плане знакомства с новым миром. Хотя для себя разумнее поискать городскую публичную библиотеку, наверняка такая есть, и спросить, есть ли библиотека в школе. Но малыш очень правильно решил, что маму тоже нужно порадовать, такое я собиралась поощрять. Поэтому, оглядевшись, подошла к стеллажу с надписью «Авантюрный роман». Настраивалась выбирать среди незнакомых авторов, листать, читать аннотации, но меня ждало настоящее потрясение. На столике перед стеллажом, под табличкой «новые поступления», лежало несколько стопок красочно изданных книг, и уж один автор мне был прекрасно знаком, как и название. «Три мушкетера».

Это ведь другой мир. Я уже ничего не понимала. Четверо со шпагами на обложке выглядели вполне узнаваемо. Я взяла книгу в руки, чтобы поискать аннотацию или полистать наугад, но тут же поняла — незачем. Я не смогу положить ее обратно и уйти с чем-то другим. Я хочу ее прочитать. Будем считать, что это судьба.

— Ну вот, сынок, и для меня нашли подарок. Спасибо тебе, что предложил. Пошли домой? Я думаю, нужно испечь что-нибудь вкусенькое.

Мы пообедали, немного отдохнули и вдвоем устроились на кухне — Олежка опробовал новые карандаши, а я испекла две шарлотки. Вечером, прихватив одну из них, мы пошли в гости. Олежка жаждал похвастаться Натуське, что он тоже идет в школу, а мне хотелось поболтать с Верой, да и обидится она, если не поделюсь такими интересными новостями.

Так что шарлотку дружно умяли под наш с Олежкой рассказ о школе. Потом детвора пошла играть, а Вера и Илья чуть ли не хором мне сказали:

— Молодец, давно пора!

— Ну в самом деле, у тебя к этому настоящий талант, а ты все: «Зачем оно мне, для себя и семьи умею, и хватит», — Вера возмущенно фыркнула. — Ты еще именованным мастером станешь, дорогая наша скромница. Вот увидишь!

Что за «именной мастер», я спрашивать не стала. Смысл ясен, а конкретика сама собой постепенно узнается.

— Теперь проще, — объяснила я. — Мне туда все равно Олежку возить, а так — пока он будет заниматься, и я поучусь. Удобно. Да и о зарплатке нужно думать.

— Я на работе у девочек поспрашиваю, кому что надо, — пообещала Вера.

Я кивнула, не зная, что ответить. Нет, смысл опять же ясен, но... а, ладно, махнула я мысленно рукой, прорвемся. Разберусь.

— Только не срочно чтобы, — попросила я, — сейчас как-то не до того, и резерв еще не восстановился.

— Ну уж это ясно, — закивала Вера. — Какая ты была, без слез не взглянешь.

Восстанавливайся!

Похоже, что такое резерв и почему он важен, моя подруга знала. Вот и отлично.

Значит, время у меня есть, а когда чему-то выучусь — будут и первые клиенты. Прорвемся!

* * *

Наступил сентябрь, и уже можно было сказать, что моя новая жизнь вошла в колею. Я обживалась в доме, налаживала хозяйство, занималась с Олежкой, знакомилась с соседями.

Мне продолжала сниться жизнь прежней Марины, так что теперь я уверенно здоровалась со знакомыми на улице, и лишь иногда приходилось, извиняясь, объяснять, что был шок с амнезией, и я не все вспомнила.

На самом деле сны тревожили. Они были нужны, с ними было легче принять новую жизнь и хоть как-то в ней ориентироваться, но просыпалась я не в своей тарелке, и требовалось некоторое усилие, чтобы отстраниться от приснившихся событий. Совсем плохо было, если я вдруг просыпалась ночью — тогда чудилось, что Макс спит рядом, и я включала свет и брала книгу, или шла пить чай, хотя никогда не одобряла еду среди ночи, или, если время шло к утру, уже и не ложилась.

Перебрав Олежкину одежду, я купила для него к осени новые брючки, три рубашки «настоящие для школы», курточку и ботинки. Не помешал бы и свитер: те два, что нашлись в «зимней» кладовке, были на мальчика уже малы, но я решила распустить их и сделать из двух один. Правда, спицы пришлось покупать, но они еще не раз мне пригодятся: вязать я люблю.

С моим гардеробом было хуже. Пока что я ходила в одном и том же траурном платье, но в октябре траур закончится, а то, что висело в шкафу у Марины, решительно мне не нравилось. Слишком короткие юбочки, слишком кричащие цвета. Из немаленькой кучи я оставила себе всего ничего: одуряюще-розовый, но хорошего качества спортивный костюм (нужно же в чем-то заниматься!), летние брючки из желтоватого льна, цветастый сарафан длиной по щиколотку, синее шерстяное платье до колена. Все! Блузки, маечки, юбочки, джемпера, еще несколько сарафанов и платьев годились разве что на пэчворк. Кстати да, можно сделать яркое лоскутное одеяло и загорать на нем летом в саду. И пестрых хваталок в кухнюшить. И сумку с какой-нибудь интересной аппликацией. Когда раздобуду швейную машинку, а пока что я запихнула всю эту кучу в шкаф на антресоли и внесла одежду в список предстоящих покупок. Потом подумала, вывалила все обратно и, ругаясь сквозь зубы, набрала себе минимальный гардероб. Похожу уж пока в чем есть, ребенка одеть-обуть важней.

Да, покупки я жестко планировала — а иначе не получалось. Переключиться на рубли с копейками было сложно, поначалу мне все цены казались шокирующе низкими, а в итоге деньги улетали непонятно куда. Но ничего, приоровилась. Я теперь знала, где выгодней покупать картошку и овощи, а где — молоко, мясо и яйца. Нашла фермерский рынок, пару магазинчиков «секонд хэнд», а Вера посоветовала неплохую и вроде бы недорогую парикмахерскую.

В подвале теперь пахло яблоками — поспел другой сорт, который я опознала как более лежкий, так что самыми отборными наполнила десять плоских фруктовых ящичков. На полках стояло полтора десятка баночек яблочного варенья, небольших — все меньше литра, но так даже удобнее. Целый мешок разномастных банок мне отдала Вера — из-под майонеза, магазинных джемов, зеленого горошка и прочих покупных вкусностей. Я отдарилась вареньем,

после чего Илья притащил два ведра яблок вдобавок к моим: Вере возиться с ними было некогда. А я решила, что лучше отложу осмотр сараев и чердака, но из урожая не потеряю ни грамма. Поэтому каждый день сушила сушку, варила варенье и джем, пекла что-нибудь к чаю. Крутилась, как сумасшедшая белка, но с каждым пополнением подвала у меня прибавлялось немного уверенности в завтрашнем дне.

У меня появлялись привычки. По пятницам я пекла яблочные пирожки, шарлотку или пирог, и мы с Верой устраивали посиделки. Детвора, наевшись «вкусняшек», убегала играть, Илья отсаживался к телевизору, а мы болтали о детях, школе, магазинах, Верочкиной работе, городских сплетнях и прочей интересной ерунде.

Утром, пока Олежка еще спал, я выходила в сад и там, на свежем воздухе, делала зарядку, а после нее — упражнения для восполнения резерва. Потом будила Олежку, мы завтракали и ехали в школу. Мои занятия еще не начались, но я записалась в школьный читальный зал и брала там рекомендованные Константином книги для родителей, так что ожидание не было скучным.

По дороге домой малыш взахлеб делился впечатлениями. В школе ему нравилось. В группе («Мама, в классе!» — гордо поправлял Олежка, когда я так проговаривалась) было пять мальчишек. Из привычных для меня школьных предметов их пока учили только читать, зато было много спортивных игр, бассейн, лепка и рисование, и среди всех этих веселых занятий прятались уже знакомые мне упражнения на развитие резерва и контроль силы.

Днем Олежка спал — Константин объяснил и мне, и ему, что это важно. Он и мне советовал: «сила после тренировок быстрее восполняется». Но я никогда не умела спать днем, поэтому читала или занималась чем-нибудь спокойным, давая себе отдохнуть.

Я прочитала «Трех мушкетеров». Заставляла себя не торопиться, вспоминать не фильмы, в которых мало что осталось от Дюма, а роман, искать отличия в мелочах, в быте.

Главное-то отличие бросалось в глаза сразу: у Дюма этого мира храбрые мушкетеры и храбрые гвардейцы кардинала вместе сражались с испанскими и английскими шпионами и противостояли интригам королевы. При этом мушкетеры были теми же мушкетерами, простыми как три эю, драчунами и дуэлянтами, а вот гвардейцы, как и сам Ришелье, владели магией. То есть, простите, «силой». Понятия «магия» в этом мире не существовало вообще. Никакой Инквизиции, Века Костров и охоты на ведьм. Сила, как считалось, была проявлением дара Господня. Ришелье был крутым магом по меркам нашего фэнтези, а здесь

— человеком, развивающим свой дар во имя Божье и во славу Его. Ну и во славу Франции, конечно.

В общем, мне понравилось.

Я все лучше узнавала этот мир, привыкала к нему. Мне больше не казалось, что я просто вернулась во времени в собственном мире. Даже если не брать в расчет ведьм, силу и прочую мистику, различия бросались в глаза. Во времена моей молодости не было визиток, немислимо было увидеть в глубокой провинции роскошный автомобиль с открытым верхом, а магазины не радовали обилием товаров. Но это внешнее, а было и другое. Та самая «сила» и отношение к ней. Очень серьезное. Образование детей с выявленной силой брало на себя государство, и хотя в жизни они устраивались по-разному, дальнейшее обучение приветствовалось и поощрялось — мои курсы тому примером. Считалось правильным делать специальные упражнения для увеличения силы и резерва, всячески развивать свой дар. Причем это не

внедрялось на уровне пропаганды, морали или религии, в которой, по сути, каждый волен выбирать, верить или нет. Это воспитывалось в детях такой же безусловной привычкой, как необходимость чистить зубы, мыть руки перед едой и купаться перед сном.

Когда я это поняла, меня перестало удивлять или напрягать то, как легко у меня все устроилось и как много мне помогали и помогают незнакомые, по сути, люди. Для них это было правильно, вот и все.

Благотворительный комитет тоже оказался для меня новой идеей, хотя вроде бы и в нашем мире что-то похожее существовало. По крайней мере, до революции — которой, кстати, здесь не случилось, уж не знаю, почему. Историю я быстренько проглядела по Леночкиным учебникам, объяснив, что хочу проверить память. Просто при слове «благотворительность» мне представлялось нечто вроде бы и понятное, но в то же время абстрактное, а здесь все было очень даже конкретно.

Комитет образовали жены нескольких влиятельных в городе людей и несколько одиноких дам, прочно стоявших на ногах и желавших занимать свое время чем-то полезным.

Вокруг них собрался кружок активисток и просто сочувствующих — кто-то принимал участие в работе постоянно, кто-то подключался в отдельных случаях. Например, уже знакомая мне Оля помогала с оформлением документов и всяческими юридическими вопросами. Помещение для благотворительных ярмарок, которые устраивались не меньше пяти раз в год, и рождественского детского праздника предоставляла жена городского головы — с полного, как я поняла, одобрения мужа, имеющего на этом жирный плюс в общественном мнении. А Ксения Петровна занималась случаями вроде моего, контактами со школами и, наверное, много чем еще — она как раз была одной из дам-основательниц.

После оформления на курсы я набралась нахальства и первый раз позвонила ей со своей проблемой. Поблагодарив за школу и извинившись за беспокойство, спросила, нет ли на примете приличного недорогого мастера: гостиную пора было привести в нормальный вид. Пусть денег на мебель пока нет, но хотя бы ремонт сделать!

— Ну что вы, Марина, совершенно незачем извиняться, — даже по телефону я чувствовала, что она улыбается. — У одной из наших девочек муж как раз ремонтом занимается. Прекрасный мастер. Сейчас же ей позвоню, узнаю, и если он не занят, завтра же подъедем.

Мастер был занят и перебрался в мою закопченную гостиную через три дня. Оглядев фронт работ, ужаснулся:

— Надо же, как полыхнуло, аж мороз по коже. Здесь всерьез поработать придется. Я вот завтра еще паренька приведу, фон вместе зачистим, а там уж можно будет и красоту наводить. Ничего, хозяйюшка, будет вам комнатка как новая, без всяких кошмаров.

Что за фон и почему кошмары, мастер мне объяснил уже после: никогда бы не подумала, но это тоже оказалась одна из магических заморочек. Примерно то, что в голливудских триллерах шло под маркой «эманации смерти». Неприятная штука.

Вообще словоохотливый оказался дядечка, причем любил неторопливо рассуждать, приводить примеры: «А вот в прошлом году, скажем, был случай...» — и выводить из этих примеров вполне правдоподобные тенденции. Занимался он моей гостиной неделю, и уже на второй день я его называла «дядя Сеня», угощала чаем с пирожками и советовалась, закладывать ли картошку в зиму, раз уж есть отличный подвал, или не напрягаться и покупать по ходу дела,

сколько понадобится.

А в последний день ремонта мне сделали сюрприз. Я с удовольствием оглядывала блестящий от краски пол, оклеенные светлыми обоями стены, сверкавшее новыми стеклами окно, когда с улицы послышался гудок клаксона.

— Ага, как раз вовремя, — дядя Сеня довольно потер руки и, не успев я спросить, что «вовремя», добавил: — Иди-ка ты, хозяйка, чайник ставь. Есть повод.

Я все же выглянула на улицу, но в дверях столкнулась с Ксенией Петровной. Та радостно улыбнулась:

— Добрый день, Марина! Как ваши дела? Как сынок?

Мы свернули в кухню, я поставила чайник, достала очередную шарлотку, свежее варенье, и тут мое внимание привлекли топот и голоса в коридоре.

— Сюда, — командовал дядя Сева, — да осторожней, краску мне не сцарапай.

Я решила не мешать, мало ли что там нужно еще доделать. Но едва успела достать чашки, как довольный дядя Сеня позвал в гостиную:

— Вот теперь, хозяйка, принимай работу.

Я вошла и замерла. В центре гостиной стоял круглый стол, явно не новый, но основательный, из приятного светлого дерева, а вокруг — шесть обитых тканью стульев, живо мне напомнивших о приключениях Остапа Бендера.

— Подарок от нас, — мягко пояснила Ксения Петровна и, проскользнув мимо меня, одним движением накрыла стол белой скатертью с кремовой, в тон обоям, каймой. — Вот так. Теперь можно и чаю попить, верно?

Я накрывала стол к чаепитию, неудержимо улыбаясь. Мне так нравилась и новая светлая гостиная, и эти киношные стулья, и сам стол, а главное — я оценила заботу. Пусть даже благотворительный комитет был заинтересован в моей учебе, но сделали для меня намного больше, чем я могла бы рассчитывать. И дело даже не в деньгах, со временем я заработаю и на мебель, и на все прочее, а именно в заботе. Во внимании к мелочам. И в том, что это внимание не переступает ту грань, за которой могло бы восприниматься как подачка.

Я была растрогана, и дядя Сеня, и Ксения Петровна видели это. К счастью, как раз проснулся Олежка, и ситуация не успела стать неловкой. Мы пили чай, обсуждая Олежкины занятия в школе и мою скорую учебу, урожай яблок и мое варенье, погоду и прогнозы на теплую осень и снежную зиму.

Уже прощаясь, Ксения Петровна сказала:

— Вы, Марина, зайдите при случае к нам в контору. Познакомитесь, посмотрите. В конце сентября будет ярмарка, я думаю, вы могли бы поучаствовать.

— Ярмарка? — переспросила я. Дядя Сева мне рассказывал об этих ярмарках, там бывало весело, и я, конечно, сходила бы туда с Олежкой. Но участвовать? — А в чем выражается участие?

Ксения Петровна улыбнулась.

— Я почему, Мариночка, приглашаю вас в контору, а не рассказываю здесь. Там у нас и фотографии с прошлых ярмарок, и девочки все разное туда делают. В компании всегда веселей обсуждать, верно?

Что ж, решила я, новые знакомства не помешают. Тем более что в будущем мне так и так сотрудничать с благотворительным комитетом, вот и посмотрю на него поближе.

— Я приду завтра, — пообещала я. — Олежку в школу завезу и подъеду, пока он будет на занятиях. Так, наверное, будет удобнее, чем с ребенком.

* * *

Контора благотворительного комитета располагалась в небольшом особнячке в самом центре Новониколаевска, в двух кварталах от здания городской администрации. Кстати сказать, центр города почти весь состоял из особняков — двух- и трехэтажных, роскошных и скромных, классической архитектуры или с неожиданными наворотами. Это царство процветающего частного капитала разбавляли несколько платных гимназий, театр и четыре кинотеатра, городская публичная библиотека, роскошные магазины, парикмахерские, салоны, рестораны, бары и кофейни, а между центром и соседним районом, застроенным многоквартирными пятиэтажками, был разбит прекрасный парк. Новониколаевск оказался совсем не таким маленьким городком, как представлялось мне со своей окраины. Здесь было пять крупных заводов и с десятков не слишком крупных, чуть ли не с сотню мелких фабрик, мастерских и производственных артелей, вокруг города — несколько крупных ферм и опять же несчетно мелких хозяйств, так что рабочих мест хватало. Жили благополучно и спокойно, невероятным образом совмещая почти столичный, по моим прежним меркам, уровень достатка и провинциальную ленивую неспешность.

Честно говоря, я немного волновалась. Хотя Ксения Петровна мне нравилась, мало ли кто там будет еще. Не то чтобы я боялась новых людей, скорее это проснулась застенчивость прежней Марины. Пришлось напомнить себе, что я взрослая самостоятельная женщина, хотя в этом мире до настоящей самостоятельности придется очень хорошо потрудиться.

Встреча прошла вполне мило. Ксения Петровна познакомила меня со своей подругой Валентиной Васильевной — очень живой улыбчивой дамой лет сорока, женой известного в городе промышленника. Валентина Васильевна ни минуты не посидела спокойно. То поправляла мелко накрученные светлые кудряшки, то принималась вертеть в пальцах чайную ложечку, то с ловкостью завязанной картежницы перебирала фотографии, выискивая для меня самые интересные. Больше никого не было: «Вы рано, Мариночка, вот после обеда нас здесь больше собирается, а по вечерам и вовсе бывает шумно», — но я даже обрадовалась, все же проще знакомиться не со всеми сразу.

Мы пили чай — черный цейлонский, от которого я успела отвыкнуть, заедали миндальным печеньем и говорили, говорили, говорили. То есть в основном говорила моя новая знакомая, Ксения Петровна лишь изредка вставляла уточнения, ну а я — я спрашивала.

И только успевала осмысливать валившиеся на меня груды информации. Зато стало ясно, чем заняться ближайшие две недели: ярмарка оказалась очень полезным мероприятием, пропустить которое я не могла себе позволить.

Без денег я пока не сидела, но очень остро чувствовала это грозное «пока».

Положенная на Олежку пенсия не даст голодать, но крупных покупок с нее не сделаешь. Да что крупных, книжку лишнюю не купишь. А впереди маячит приобретение зимней одежды, да и на осень у мальчика всего впритык. О собственном гардеробе молчу: будь моя воля (то есть больше денег в кошельке), все вещи прежней Марины отправились бы на благотворительность в одной куче со шмотками Макса.

И тут — ярмарка!

Идея ее целиком и полностью вписывалась в понятие «благотворительность», но совсем не так, как я подумала вначале. Совсем не распродажа по сниженным ценам — для бедных комитет держал благотворительный магазин, там цены действительно были от умеренных до крайне низких, и работал он без выходных. Ярмарка, наоборот, предлагала товар дороже, чем в прочих местах, и купить здесь что-либо считалось хорошим тоном у людей обеспеченных. А товар... о, вот тут-то и крылась главная для меня «фишка». Здесь выставлялись самодельные детские игрушки, вещи ручной работы, вкусности к чаю, встречались иной раз и по-настоящему ценные раритеты вроде старинных часов и книг или откопанной на чердаке прабабкиной прялки. Возможность подзаработать для женщин с детьми вроде меня, для небогатых семей, для детей на карманные расходы. Десять процентов от выручки шли в благотворительный фонд, остальное получали продавцы, и никаких налогов. Осталось решить, что я могу там выставить.

— Вы, Мариночка, не стесняйтесь, вот главное, — говорила Валентина Васильевна, веером раскидывая передо мной фотографии прилавков и стендов с прошлых ярмарок. — Не бывает бесталанных ведьм, это научно доказанный факт. Многим кажется, что их умения ничего не стоят, но, поверьте, это не так. Вам нужно поймать волну, найти оптимальное для вас решение, — она рассмеялась, тряхнув кудряшками: — Боже, я рассуждаю совсем как мой супруг, вот что делают с бедными женщинами эти вечные разговоры о бизнесе! Смотрите, Мариночка: вам нужны деньги, вы сейчас вынуждены считать каждую копейку. Ярмарка идет весь день, работает буфет, вы не представляете, сколько всего нужно к чаю! Напеките пирожков, они уйдут все — пусть с каждого копеечная прибыль, но все же. Успеете пару тортиков — вообще прекрасно. Знаете, у нас есть такая замечательная девочка Танечка, она печет коржи заранее, а в день перед ярмаркой варит крем, намазывает и украшает. Приносит обычно пять — семь тортов и очень неплохо на них зарабатывает.

— Отличная идея, — кивнула я. — Полон сад яблоч, уж как минимум, грех пирожков не напечь.

— Ну вот. А кроме выпечки? Вы ведь наверняка что-нибудь да умеете.

— Я неплохо вяжу, — я разглядывала фото с девчачьими ажурными платяницами, пушистыми шапочками, полосатыми яркими шарфиками и носочками. — Что-нибудь вязаное точно смогу принести.

— Отлично. Только мой совет, Мариночка: вот такое, — она выбрала фото с вязаными носками, рукавичками, шапочками-шарфиками, — улетает зимой. С руками отрывают. А вот сейчас лучше пойдет что-нибудь из одежды. Жилетки, юбочки...

— Для прогулок, а не для возни в снегу, — понятно кивнула я. Прекрасно помню, как зимой не напасешься шапок и варежек! А сейчас детишкам в школу идти, да и вообще, не только я к осени детский гардероб обновляю.

— Да-да, именно! Конечно, это требует больше времени, но, скажем прямо, такое многие вяжут, так что переизбыток и не нужен.

— Что вязать к зиме, я уже поняла, а что сейчас, подумаю, — я снова кивнула. И вовсе незачем заикливаться на детских вещичках, тем более, если их многие вяжут. Дамы вроде моей новой знакомой тоже наверняка обновляют гардероб...

Об этом я и думала весь остаток дня. Могла-то я много чего — идей хватает, опыта тоже, и руки растут откуда надо. Но... Меня ограничивали три фактора: время, деньги и абсолютное незнание рынка. Нужно что-то, что придется по вкусу здешнему «среднему классу», потребует минимума финансовых вложений, и что я успею за две недели.

Вкусностей напечь — это можно, но только в день перед ярмаркой. Варенья? Как-то это неинтересно, без изюминки, хотя можно и выставить несколько баночек. Вязание? Это хорошо, как раз по сезону, а что я здешней моды не знаю, так есть с кем посоветоваться. Вот только нужно разведать, какую здесь можно купить пряжу и почем. А значит, завтра школьная библиотека снова меня не дождетя.

Ну что сказать, ассортимент пряжи заставил меня волком взвыть от жадности. Хочуу. От одного только вида десятка стенов с образцами пряжи любой толщины, расцветок и пушистости у меня аж руки зачесались. Даже хорошо, что денег взяла не очень много, а то б я просадила все что можно и что нельзя...

На прилавке лежала стопка модных журналов на русском, немецком и французском, так что всего за какой-то час я составила представление о тенденциях — и надо сказать, они мне понравились. Юбки чуть выше колена, женственный крой, мелкие красивые пуговички, насыщенные, но не кричащие цвета. Может, здесь и сейчас это был какой-нибудь авангард, но я воспринимала его как милое, изящное и стильное «ретро». А если говорить о вязании — стиль женщины делали жакеты, шали и палантины. Самое то. Даже без схем пока обойдусь, помню с десятков вполне подходящих.

Дальше пришло время захватывающего квеста «как не оставить здесь все деньги».

Набор крючков, набор спиц — не все понадобятся сейчас, но пусть будут. Мучительные колебания между нитками потолще (быстрее свяжется) и самыми тонкими (изящней будет выглядеть). Мучительные сомнения, на что сделать ставку — связать две-три дорогих вещи или побольше, но простого и дешевого, да хоть ярких девчачьих жилеток и беретиков.

Высчитывание расхода пряжи. Подсчет денег в кошельке. Подсчет примерного времени, которое мне понадобится на одну шаль, две шали, два-три палантина, десяток жилеток.

Удушение инстинкта шопоголика и включение в мозг ограничителей.

В конце концов я решила рискнуть и взяла пряжи на одну богатую, дорогую шаль.

Цвет подбирала под себя, чтоб если не продам, самой носить. А вот если продам... Тогда я пообещала себе все вырученные деньги спустить именно в этом магазинчике!

Вязать из хороших красивых ниток — одно сплошное удовольствие, так что я дорвалась. Большая треугольная шаль была готова всего через три дня. Благородного темносинего цвета, с выпуклым ажурным узором, длинной бахромой, она красиво ложилась на плечи, легко драпировалась и так чудесно оттеняла мои светлые волосы, что даже жаль было выставлять на продажу. Ничего, себе еще свяжу.

Вера зашла, когда я крутилась перед зеркалом. Ахнула:

— Какая прелесть! Боже, Марина, как тебе хорошо! Обязательно носи!

— К зиме свяжу себе, — решила я. — Если на пряжу заработаю.

— А эта кому?

— На ярмарке выставлю. — Я накинула шаль на Веру. — Тебе тоже хорошо, только цвет бы другой, посветлее. Поехали в воскресенье вместе в магазин, купишь пряжи, какая понравится, а я свяжу? Как раз тебе к дню рождения будет, хочешь? — до Верочкиного дня рождения остался месяц с небольшим, так что времени хватит.

Вера перекинула край через плечо, укутав подбородок. Теперь уже она вертелась перед зеркалом, а я оценивала свою работу со стороны и радовалась, как хорошо получилось.

— Почему ты раньше не вязала? Так аккуратно, и узор — загляденье.

М-да, спалилась. Или нет? Я пожала плечами:

— Как-то не до того было. Сейчас, знаешь, такое чувство, будто жизнь заново строю.

Пока над вязанием сидишь, отлично голова прочищается. Вроде как и думать легче. А раньше оно мне скучным казалось.

— Не бросай только, — серьезно сказала Вера. — Слу-ушай, Марин! Раз ты все равно продать ее хочешь... У нас скоро день рождения у начальницы, как раз голову ломаем, что дарить. Мы по пятерке скидываемся, это семьдесят рублей получается. Продашь? Ей точно понравится. Заодно рекламу тебе сделаем, как думаешь?

Тут и думать было нечего. Пряжи у меня ушло на двадцать рублей, это ж чистой прибыли — почти как Олешкина пенсия! За три дня! Кажется, один заработок я себе уже нашла.

Шаль Вера взяла с собой, а следующим вечером занесла мне деньги, кучу восторгов от сослуживиц и два заказа. Восторги я выслушала с удовольствием, насчет заказов уточнила:

— А как же цвет подбирать?

— Да очень просто, Светланку завтра с собой в магазин прихватим, а Ольга Павловна белую хочет.

В магазин я вошла с горящими глазами, пряжи набрала два полных пакета. И только дома задумалась, где взять времени на все. Две шали на заказ, одну Вере, две разных цветов я решила связать к ярмарке, а еще нужно продолжать читать, я ведь столько всего не знаю, а в саду к яблокам вот-вот прибавятся груши, надо спасти урожай, и никто не отменяет кухни, уборки, занятий с Олешкой, да и себя мне к октябрю нужно подтянуть! Причем не только резерв, но и вообще...

— Зато страдать и маяться некогда, — утешила я себя. — Жизнь набирает обороты, это же хорошо!

* * *

В огромном зале тихо играла музыка, огни люстр отражались в сияющем паркете, принаряженные гости негромко здоровались друг с другом, осведомлялись о здоровье, о делах, обсуждали новости. Светский раут, да и только — если бы не столики, стенды и прилавки с

товаром. В галерее слева от зала расположились буфет и несколько столов с игрушками и детскими вещами, и вот там было шумно и весело. Мы с Олежкой почти сразу сбежали из чинного общества туда. Я только поздоровалась с Ксенией Петровной и полюбовалась на две своих шали на стенде вязаных вещей. И еще на одну, ту самую, первую, накинутую на плечи полноватой высокой блондинки в длинном графитного цвета платье — так вот она какая, Верина начальница, эффектная женщина. Вера была права, моя шаль этой даме шла. Подчеркивала великолепную осанку, оттеняла золотистые локоны. И служила очень неплохой рекламой — одну из выставленных шалей купили в первые же минуты после открытия, на моих глазах.

Я довольно улыбнулась и предложила Олежке посмотреть, что здесь есть вкусенького. Деньги за эту шаль и за свои пирожки я получу завтра, но те две, что заказали Верины сослуживицы, я тоже успела сдать, так что могла себе позволить побаловать ребенка. А завтра пойдем с ним покупать теплые ботинки и еще одни брючки, да и себе обувь присмотрю. И книжный, обязательно книжный! Очень хочу почитать, что еще написал Дюма в этом мире, а в городской библиотеке он весь на руках.

Я вспомнила книжный шкаф в подвале, так удобно занятый травами — пока я туда не лезла лишней раз, только чай брала, но Марина наверняка не зря именно так держала свои запасы. Тот шкаф мне еще пригодится, так что пусть стоит где стоял, а вот купить в гостиную новый... почему бы и нет? Мне уже сказали, что следующая ярмарка будет в предрождественскую неделю, так что уж туда успею навязать всякого. К праздникам будет актуально.

Решено, сейчас деньги трачу на одежду себе и Олежке, на книги — умеренно — и на пряжу к новым изделиям. А после Рождества покупаю шкаф! И начинаю заполнять его домашней библиотекой. Как же приятно строить такие планы...

Вкусенького было — глаза разбегались. Мы с Олежкой выбрали шоколадный пирог с вишней, себе я взяла чаю, а сынок попросил сока. Свободный столик нашелся у самого входа в зал.

— Мама, мам, а ты такой торт испечешь?

Я попробовала — м-м, вкуснотища!

— Обязательно испеку, только нужно рецепт узнать. Я поспрашиваю, сынок.

И правда, что это у меня то пирожки с яблоками, то яблочные шарлотки, экономия вещь полезная, но нужно и разнообразие.

Под чай с тортиком я разглядывала зал, благо сидела как раз удобно для наблюдения.

Две старушки за соседним столиком заняты были тем же самым и вслух обсуждали замеченных знакомых, я невольно прислушивалась. Ни имена, ни «всем известные» события, на которые они то и дело ссылались, ничего мне не говорили, зато зоркие старушки намного лучше меня видели, кто что рассматривает и покупает, да и комментировали забавно. Под их болтовню я начала понимать, почему здесь не устраивают никаких дополнительных шоу, да хоть той же детской самодеятельности или трогательного номера какой-нибудь певички — это было бы воспринято как досадная помеха, а не развлечение. Истинным шоу служило неспешное вращение людей по залу, разговоры, примерки, покупки, встречи ожидаемые и неожиданные. Рай для сплетниц!

Вращаться в обществе целый день было бы, наверное, полезно для меня, но утомительно. А

ребенку такое развлечение и вовсе ни к чему. Поэтому, подождав, пока Олежка доест свой пирог и допьет сок, я спросила:

— Хочешь выбрать себе игрушку, сынок?

Игрушек у малыша было на удивление мало: несколько машинок, пластмассовый клоун, два набора детских кубиков с азбукой и потертый плюшевый медведь без левого глаза. И ведь семья не бедствовала! На джвва пиво, по крайней мере, Максу хватало, а Марина не сэкономила на шмотках. Олежка, правда, больше любил раскраски, чем игрушки, и раскраски ему явно покупали часто. Но все равно!

— Собаку, — попросил он и потянул меня за руку к столу с мягкими игрушками.

Плюшевая собачка стоила совсем недорого, а при виде того, как малыш прижал ее к себе, я чуть не расплакалась.

В этот момент к нам подошел Константин. Не знаю, как я его не заметила раньше?

Олежка просиял:

— Дядя Костя, здравствуйте!

— Здравствуй-здравствуй, — Константин серьезно подал протянутую ему крохотную ладошку. — Марина Витальевна, рад встрече. Хорошо развлекаетесь?

— Да! — первым высказался Олежка.

— Думаю, мы уже скоро домой, — сказала я больше для Олежки. — Здесь интересно, но взрослым мальчикам из подготовительного класса школы днем обязательно нужно спать, правда, сынок?

Олежка надулся: уходить он, похоже, совсем не хотел. А Константин заговорщицки ему подмигнул и спросил:

— В саду еще не были? Там поставили качели.

— Ой, я и не знала! Пойдемте, посмотрим.

— Покатаемся! — поправил меня сынуля. Константин рассмеялся:

— И правда, качели не для того, чтобы смотреть на них со стороны!

Чтобы выйти в сад, пришлось пройти вдоль всей галереи, а значит, получить еще одну порцию всяческих соблазнов. Сладости, напитки, детские игрушки и поделки, корзины с цветами — роскошные розы, георгины, гвоздики, игольчатые и шаровидные разноцветные астры, даже орхидеи. Возле одной из цветочниц Константин остановился.

— Марина Витальевна, вы какие цветы любите?

— Розы не люблю, — призналась я. — Они слишком парадные. А из остальных... мне было бы интересно узнать, что выберете вы, Константин. Кстати, уж если я с вами по имени, может, и вы будете называть меня просто Мариной? А то как-то даже неудобно.

Он как-то очень пристально посмотрел мне в глаза, улыбнулся и быстро надергал пышных астр

светлых оттенков — нежно-розовых, бледно-сиреневых, желтовато-кремовых.

Добавил к ним несколько белых и алых и передал получившийся букет цветочнице. Та с улыбкой кивнула, обернула астры в тонкую полупрозрачную бумагу, перевязала светлой лентой, провела над цветами рукой, как будто невесомо погладила, и вернула оформленный букет Константину. А он тут же с легким полупоклоном вручил мне:

— Марина, от души прошу принять.

— Спасибо, — я спрятала лицо за букетом, переживая приступ радостного смущения.

Астры пахли тонко и терпко, почему-то вызывая в памяти детство. — Спасибо, — повторила я, — они чудесны.

Качелей был длинный ряд — низкие лошадки для малышей, крепкие лодочки для детей постарше и для парочек. Почти все оказались заняты, но одна свободная лошадка нашлась, и Олежка тут же на нее взгромоздился. Я осторожно раскачивала, Константин стоял рядом, а потом аккуратно потеснил меня в сторонку. Теперь я стояла чуть поодаль, смотрела, как он катает моего ребенка, и пыталась решить, что делать. Поведение Константина опасно походило на ухаживание, но неловкости я не чувствовала: он держался в рамках приличий, без лишней навязчивости, к тому же был мне симпатичен. Так что в конце концов я сказала себе: «Посмотрим», — и пустила события течь своим чередом.

Накатавшись, Олежка запросил еще сока и тортика, а я предложила встречный план:

купить тортика с собой и съесть его дома после супа. На том и сговорились. Я попрощалась с Константином, поблагодарив его за чудесный букет и компанию, еще раз заглянула в зал:

народу ощутимо прибыло, найти в этой толпе Ксению Петровну было нереально, да и отвлекать ее не по делу, наверное, не стоило. Так что я взяла Олежку за руку, и мы развернулись к выходу.

В самых дверях неловко столкнулась с каким-то мужчиной. Извинилась, он кивнул было, но тут же впившись в мое лицо взглядом, спросил:

— Андреева? Марина?

Узнавание полыхнуло в мозгу даже не вспышкой, а ударом молнии. Никита. Первая, мать его, Маринина любовь.

— Я вас не знаю, — торопливо ответила я. — Видимо, вы обознались.

Прозвучало глупее некуда, но я уже проскользнула мимо, напиравшая толпа оттерла нас, я заметила подъезжавший к остановке автобус, подхватила Олежку на руки и побежала.

Водитель нас подождал, я выдохнула: «Спасибо!» — и без сил опустилась на сиденье. И только теперь подумала, что встреча странная: Марина ведь училась не в Новониколаевске.

Хотя какая разница, в самом деле! Вот уж с кем я не собиралась «возобновлять» знакомство.

Олежка едва доел обед и тут же заснул: умаялся. А я пила чай и смотрела на букет.

Поставить пришлось в литровую банку, но все равно смотрелся он волшебю. Да ладно, что еще за «все равно», просто волшебю! От его вида хотелось петь, а может даже, немножко

танцевать — с Константином. Я вспоминала его улыбку и пристальный взгляд и пыталась представить, какой он видит меня. Хрупкая миниатюрная блондинка в строгом трауре.

Двадцать три года, ну ладно, почти двадцать четыре уже, но и сыну почти пять.

Легкомысленная глупышка? Не хотелось бы, но я и веду себя сейчас вовсе не легкомысленно. Может, решил, что выросла и поумнела, жизнь ума вложила? На самом-то деле так оно и есть, вот только ум мой — из другой жизни. Мне ведь не двадцать три, а шестьдесят три. Парадокс — наверное, этот серьезный и вроде как очень даже положительный мужчина считает слишком юной меня, а мне он кажется почти мальчишкой.

Олежку я быстро приняла всей душой как родного сына, не пора ли и себя принять вот такой — почти девочкой, юной и хрупкой, нуждающейся в надежном мужчине рядом?

Поднимаясь наверх отдохнуть, я забрала букет с собой и поставила в спальне на подоконник. Всего-то букет, но что-то неуловимо изменилось. Почему-то я была уверена, что теперь мне перестанет ночами чудиться Макс.

Часть 3. Учиться, учиться и еще раз учиться

Первого октября лил дождь. Ну что ж, теплая южная осень и так затянулась...

Хорошо, что я успела собрать нормальный осенний гардероб и себе, и Олежке — без излишеств, но самое необходимое у нас теперь было. Как раз весь заработок с ярмарки и вязания ушел, так что план нагрести себе кучу всякой пряжи и уйти в вязальный разгул пришлось очень сильно ужать.

— По лужам не прыгай, сынок, — попросила я, одергивая на Олежке курточку, — а то приедешь в школу в грязных штанах, некрасиво получится.

Сама я надела новое платье чуть ниже колена, в серо-сизую клетку, с воротникомстойкой и двумя рядами мелких перламутровых пуговичек. Неброско, но стильно. Светлый утепленный плащ, яркие резиновые сапоги в тон сумке и зонту, изящные туфли на смену.

Сбросить траур оказалось большим облегчением, я даже сама не ощущала, как он на меня давил. Как будто лишь теперь и началась на самом деле новая жизнь.

Константин одобрительно мне улыбнулся:

— С первым учебным днем вас, Марина. Успехов!

Я радостно поблагодарила и побежала к теплицам — сбор нашей группы вполне логично был там, в небольшом классе-лаборатории. Пришла второй, заняла место за передним столом у окна. Народ подтягивался медленно. Перекидывали плащи через спинки стульев, пристраивали зонтики рядом. Вот дела, неужели никто не обратил внимания на каморку с вешалками на входе? Я-то еще и с гардеробщицей поболтать успела.

Сухая строгого вида тетка с пучком на голове, в синем лабораторном халате, молча сидела за преподавательским столом и смотрела на нас как на кучку отбросов. Неужели не все радужно в этом чудном мире?

— Все собрались? — она пересчитала нас по головам и демонстративно посмотрела на часы. —

Тем, кто не счел нужным раздеться и переобуться в предназначенном для этого помещении, даю три минуты на исправление этой вопиющей глупости. Время пошло.

М-да. Шла я на занятия, а попала в цирк...

Когда все собрались обратно, нам достался взгляд, который мог бы заморозить стаю динозавров.

— Я Полева Александра Ивановна, ваш куратор. Мастер-травник, мастер-фармацевт, мастер-косметолог. Сегодня мы начинаем занятие на двенадцать минут позже. Это первый и последний раз, когда я терплю опоздания. Оправдания не принимаются. Также сегодня первое и единственное занятие, на которое вы допущены без лабораторных халатов и косынок. То, что вы платите за курсы из собственного кармана, не дает вам права нарушать расписание, приходить на занятия в неподобающем виде или нарушать технику безопасности.

А вот насчет халата и косынки я могла бы и догадаться. Ну да ладно, будем считать, что это элемент шоу.

— Меге-ера, — чуть слышно прошелестело сзади. Точно, шоу. Цирк. Слабонервных просят покинуть помещение.

— Знакомимся, — стальным тоном продолжила Александра Ивановна. — Я называю фамилию, вы встаете, представляетесь и рассказываете о том, почему сюда пришли, на каких условиях учитесь и чего хотите добиться. Вольная!

Ой мама, я еще и первая! Я встала:

— Здравствуйте. Меня зовут Марина, я вдова, у меня маленький сын. За обучение платит благотворительный комитет. Мне нужен надежный заработок, поэтому я собираюсь взять от учебы максимум. Мне очень нравится это направление, и мне сказали, что оно подходит к моему дару. Все?

— Благодарю, — кивнула наша мегера. — Садитесь. Герасимов!

Нас здесь собралось двенадцать человек — десять женщин, я самая молодая, и двое парней, почти мальчишки, только со школы. Не прошли в институт и решили наработать преимущество для второй попытки. Женщины смотрели друг на дружку косо, как на будущих конкуренток: по государственной дотации училась только одна, остальным предстояло в будущем искать заработки в Новониколаевске, а рынок снадобий не резиновый. Пока шла переключка, я присмотрелась к одноклассницам и решила держаться от них подальше. Что такое конкуренция, я прекрасно помнила по прошлой жизни. Надеюсь, здесь не будут строить друг дружке пакости.

— Итак, несколько слов о нашей программе. Сегодня вводное занятие. Завтра и послезавтра у вас совмещенные занятия с группой обережников по методикам энергетических воздействий, вводная теория и начала практики. В дальнейшем мы с вами будем не раз касаться этой темы, но уже применительно к конкретным снадобьям и этапам их приготовления. Литературу по теме изучите самостоятельно, список на доске, перепишите после занятия. Базовый курс травника-фармацевта делится на четыре ступени, в конце каждой вы сдаете экзамен и получаете документ с допуском на изготовление продукции соответствующего уровня сложности. После чего можете учиться дальше, а можете нас покинуть и отправиться в самостоятельное плавание с тем уровнем, которого достигли. Первая ступень — заготовка, обработка и хранение ингредиентов и составление сухих сборов. Тем, у кого недостает средств

для полного обучения или дар недостаточен для приготовления сложных снадобий, имеет смысл углубленно изучить именно эту специализацию: умелые заготовщики, которым можно доверять, весьма ценятся в нашей отрасли. Вторая, третья и четвертая ступени — изготовление снадобий класса сложности С,

В и А соответственно. Хочу заметить, что первая ступень одинакова для фармацевтов и косметологов, если в дальнейшем вы пожелаете получить специализацию в косметологии, диплом первой ступени вам зачтется.

Ого, а вот это надо учесть. И правда, специальности вполне смежные, почему бы и нет? А кстати, раз есть базовый курс, значит, есть и продвинутый? Сейчас об этом спрашивать рано, логичный ответ — «сначала базовому выучись», но на будущее...

— Далее. Литература. Я не собираюсь диктовать вам теорию, у нас, если вы помните, практические курсы. Но это не значит, что вы можете игнорировать теоретические основы.

Список литературы к каждой теме я буду вам давать, в нашей школьной библиотеке все эти книги есть. Однако если в будущем вы планируете всерьез заниматься составлением сборов и снадобий, я рекомендую вам приобрести хотя бы справочники. За каждой мелочью в библиотеку не набегаешься.

Все приобрету, жадно решила я. Что-то у меня уже там лежит, от прежней Марины осталось. По крайней мере, «Теория и практика энергетических воздействий», вторая строчка списка, который на доске, точно есть.

— Что же касается практики, начнем прямо сейчас, — Александра Ивановна поднялась и подошла к шкафам в торце кабинета. — Сегодня я показываю инвентарь, который понадобится вам в работе. О реакциях компонентов и готовых снадобий с материалами рабочего инвентаря и тары прочтете самостоятельно. К следующему нашему занятию, то есть к понедельнику, вы должны иметь ясное представление, какой инвентарь выбрать для работы в каждом конкретном случае.

— В списке такого нет, — высказался один из парней.

— Молодой человек, — из голоса нашей мегеры можно было отжимать яд, — если вы не в состоянии самостоятельно найти справочник по конкретно обозначенной теме, вам нечего делать не только в институте, но и у нас. К вашим услугам огромный список профессий, для которых умение читать вообще не обязательно.

Она прелесть!

Занятие было насыщенным. Как проверить точность весов, как отмерить и взвесить без потерь любой ингредиент, даже тончайший порошок. Как определить материал ступки и пестика, ручной мельнички, разделочной доски и ножей, и как содержать их в порядке. В каких емкостях смешивать, варить, запаривать, настаивать, хранить. Море информации, запомнить которую с одного раза казалось совершенно нереальным, хотя объясняла Александра Ивановна четко, внятно и конкретно. Ничего, разберемся, повторенье — мать ученья, а книга — друг человека. Кажется, как раз в административном крыле я видела дверь с табличкой «Академкнига».

Расходился народ молча. Я всматривалась в лица. Кто-то перегружен или даже пришиблен информацией, кому-то просто нет дела до остальных. Мне показалось, что две тетקי постарше,

сестры, и так все это знали. Наверное, им просто корочки нужны, как возможность легального заработка. Вон, прежняя Марина тоже что-то знала и умела, а толку? Все, что делала — или для семьи, или по-дружески помочь соседке. Тоже, конечно, хорошо, но только если муж кормит. А продавать без лицензии — уже уголовщина.

Группа Олежки должна была заниматься еще час. Если так и дальше пойдет, то очень даже удобно получается. Ну что, библиотека? Или сначала уточнить, что из списка есть дома? Одна книга точно есть, а больше я до завтра и не просмотрю. А вот по инвентарю и материалам точно ничего нет. И я пошла в «Академкнигу».

Там оказался не закуток размером с класс или кабинет, как я почему-то думала, а огромный зал, разделенный стеллажами на секции. Искать что-то самостоятельно даже с учетом табличек по темам и алфавитных указателей можно было до вечера. Я подошла к продавцу и объяснила ситуацию. Тот понятиливо усмехнулся:

— Мастер Полева? Как же, как же. Высочайших требований дама, в ее группах мало кто доходит до финиша. Скажу вам прямо, вы правильно сделали, что пришли за книгами в первый же день. Ваша секция эта, — он провел меня вглубь зала, — я, разумеется, готов подсказать нужные книги, но мастер особо просила, чтобы ее студенты сначала искали самостоятельно.

— Спасибо, — я осмотрела стеллаж, полистала несколько справочников и мысленно вписала в блокнот еще одну строку глобальных расходов. На книгах экономить не хотелось, тем более что изданы они были прекрасно. Белая бумага, цветные фото ингредиентов, детально прорисованные иллюстрации... Вздохнув, я сосредоточилась на сегодняшней теме:

все сразу не укупишь, буду собирать свою библиотечку планомерно, по ходу уроков. Дюма придется подвинуть в очереди, ну да сейчас и читать его будет некогда. Мастер Полева, судя по всему, поклонница жесткого темпа и самостоятельной работы. Вот и хорошо, я учиться умею, а чем больше народу из группы отсеется, тем лучше, и даже не в том дело, что меньше конкуренток — одна неумеха может здорово подпортить репутацию всем своим коллегам, так что пусть лучше отбор идет на стадии обучения, чем по принципу «покупатели голосуют рублем».

Я отложила для себя толстый, красочно изданный справочник, в котором было все — и материалы, и их влияние на снадобья, и содержание инвентаря в порядке. Добавила тонкую методичку «Ваше рабочее место». Обернулась на продавца, тот кивнул одобрительно, и мы вместе прошли к кассе. Расплатившись, я спросила:

— Не подскажите, где лабораторный халат купить? Как-то раньше не приходилось сталкиваться...

Мне тут же выдали визитку с адресом магазина спецодежды и схемой проезда.

Сервис!

Я вернулась за Олежкой, Константин спросил с интересом:

— Как первый день? Выглядите довольной. Как вам наша Александра Ивановна?

— Восторг! — выпалила я. — Она монстр, я ее обожаю! С тринадцатой минуты.

— Почему с тринадцатой?

— Потому что «сегодня мы начинаем занятие на двенадцать минут позже, но это первый и последний раз», — я довольно похоже передала интонацию, Константин понимающе усмехнулся. — Правда, мне очень понравилось, — уже серьезно сказала я. —

Только придется очень поднапрячься, чтобы соответствовать. Но это даже хорошо.

— Вы молодец, Марина, у вас обязательно получится, — Константин пожал мне руку, и, кажется, я покраснела. Его поддержка была приятна. Так приятна, что мне вдруг стало интересно, сколько ему лет и есть ли у него семья. М-да. Давай-ка, Маринушка, возьми себя в руки, тебе учиться нужно, а не на посторонних мужиков заглядываться. Да и не может он быть свободным. Так не бывает. Слишком уж хорош.

* * *

Покормив и уложив спать Олежку, я достала из кухонного шкафчика доставшийся по наследству инвентарь — аптечные весы и набор ступок. Перебрала крохотные гирьки, расставила ступки по размеру. Все они казались старыми, даже старинными — потертые, с царапинами и сколами. Я провела пальцами по шершавому краю глиняной ступки, погладила покрытый стершейся резьбой бок деревянной, и мне почудился теплый, ласковый отклик. Может, от бабушки Тони достались? Точно вряд ли узнаю, но думать так было приятно.

Наверное, Марине их хватало, ведь она делала только самое простое. А мне, судя по сегодняшнему занятию, еще многое придется приобрести. Специальные ножи и разделочные доски, лопаточки, мешалки, мерные пипетки и мензурки...

И о рабочем месте следовало задуматься, готовить снадобья на кухне, рядом с едой — крайняя степень глупости. Тем более, когда в доме маленький ребенок. В доме есть пустые комнаты, и в одной из них даже вполне подходящий стол. Вот и прекрасно, решено. Я перенесла все туда, раскрыла методичку и положила рядом свой верный блокнот. К концу учебы здесь должна быть моя личная лаборатория, такая же идеальная, как на фото в этой методичке. А раз должна быть — сделаем!

После изучения всех требований к рабочему месту и инвентарю мой список будущих покупок стал больше на два листа, и вряд ли это были дешевые покупки. Впору хвататься за голову. Я прилично подзаработала на своем вязании, но эти деньги все уже ушли, и сбережения Макса тоже таяли — медленно, но верно. Мы с Олежкой одеты-обуты, но только на осень. На еду хватает, но без излишеств, да и вообще — продукты я покупаю в режиме «выгадывать, где что дешевле». Придется умерить аппетиты. Лаборатория подождет до тех пор, пока начну реально в ней нуждаться, книги — библиотека мне в помощь, и учеба учебой, но пора прикупить немного яркой пушистой пряжи и начать вязать детские вещицы к зимней ярмарке. У меня два с половиной месяца, и других заработков за это время не предвидится.

Хотя... через два месяца — экзамен первой ступени. Сдам — получу законное право делать и продавать сухие сборы. А это не только лекарства, но и чаи, и очистительные косметические смеси. И у меня в подвале три полки готовых ингредиентов!

— Учиться, учиться и учиться, — с чувством сказала я. Чтобы утешиться и приободриться, поставила три галочки в списке нужной литературы — купленный сегодня справочник и две книги, оставшихся от Марины. Отложила методичку и взялась за книгу по энергетическим воздействиям — хотя бы вводные главы разобрать к завтрашнему занятию.

Олежка в этот день оказался предоставлен сам себе. Хорошо еще, что он прекрасно понимал слова «мама очень занята, сынок». Я читала и ругала себя за то, что не дошла до этой книги

раньше. Хотя, если подумать, мне все равно нужно было восстановиться, так что я совершенно правильно начала с моих настольных уже «Методик увеличения силы». Но «Теория и практика энергетических воздействий» просто открыла мне глаза. Здесь нашлись ответы на все мои вопросы о «силе», «даре», «резерве» и прочих ведьмовских заморочках этого мира: что, как, почему, на что годится, чем опасно. Мозаика из разрозненных фактов наконец сложилась в целостную и вполне понятную картину.

В своей прежней жизни я была самой обычной женщиной. Здесь я стала ведьмой, потому что «сила» — свойство тела, а не души. Энергетические узлы и каналы определяли резерв силы и то ее количество, которое одаренный человек может использовать одномоментно. Яркость и насыщенность ауры помогали в диагностике потенциала.

Осознанная работа с энергией переводила из разряда просто одаренных в мастера или ведьмы. Все те снадобья, которые мы будем учиться делать, может замесить кто угодно. Но тонкое энергетическое воздействие усилит действие лекарства в разы, из банального травяного чая сделает волшебный напиток, и так во всем.

Между прочим, подаренный Константином букет все еще стоял. Я меняла воду и удивлялась: нежные астры и не думали вянуть, только листья начали подсыхать. Теперь же я вспомнила быстрый жест цветочницы над собранным букетом и поняла: та девушка тоже была ведьмой. Букет в конце концов завянет, но простоит куда дольше обычного.

Утром я еле встала: так зачиталась, что легла далеко за полночь. Хорошо, что к зарядке и упражнениям успела уже привыкнуть. Упражнения, кстати, действительно были необходимы: чем больше занимаешься, тем сильнее становишься. А забросишь — и своя сила почти вся уйдет. Такая вот магическая «качалка».

Дождь уныло стучал в окно, теперь, наверное, до весны придется заниматься в пустой комнате. Поднять Олежку, завтрак, автобус... пузыри на лужах, обещающие долгую непогоду, низкие тучи, холодный ветер, хмурые с утра люди, как будто вместе со мной и весь мир не выспался...

Утреннюю тоску разогнала искренняя улыбка Константина и его «доброе утро». Как будто свежей родниковой водой, меня окатило радостью. Улыбнувшись в ответ, я поцеловала Олежку, пожелала хорошей учебы и побежала на занятие.

И как же хорошо, что я успела почитать по теме! Сжатые объяснения укладывались в мозг, как влитые, упражнения удавались с первого раза, потому что я точно понимала, что делаю. Куратор обережников, суровый пожилой дядька Иван Семеныч, меня отметил, сказал:

— Будет желание обереги освоить, приходи, способности есть. Ты мать и хозяйка, тебе пригодится.

— Сейчас еще один курс не потяну, — с сожалением отозвалась я. Интересно, конечно, но распыляться глупо. Может, как-нибудь потом...

Парни из группы обережников посматривали на меня с интересом. Странное дело, там были только парни, шестеро здоровых лбов. Задержавшись после занятия, я спросила у Ивана Семеныча, почему так. Меня-то он позвал, да и в буклете не говорилось, что принимаются только мужчины.

— Обережные наговоры и амулеты делятся на мужские и женские, — объяснил Иван Семеныч. — У нас и группы две. Так что, если надумаешь прийти обучиться, заниматься тебе

не со мной. И вот что учти, дочка. Знаю, овдовела ты совсем недавно, рано о новом муже думать. Но когда задумаешься, присмотришься к моим парням. Дар одного направления

— это сильные дети.

— Учту, — отговорила я, а сама подумала: вот же большая деревня, в кого пальцем ни ткни, каждый обо мне знает. Ну и ладно, пусть себе. На мужчин меня пока не тянуло, но когда потянет, буду слушать свое сердце, а не заниматься селекцией. Дети должны расти в любящей семье, а сила — дело десятое.

На следующий день, после второго и последнего для нашей группы занятия, Иван Семеныч задержал меня «на пару слов».

— Ты, дочка, вот что... Я понял, что сейчас ты на другое нацелилась, но дар бережный у тебя есть, грех забрасывать. Держи вот, занимайся хоть сама понемногу, — он протянул мне тонкую брошюрку в простой бумажной обложке без названия. Поймал мой вопросительный взгляд, объяснил: — Мы это раздаем тем из группы, кто с первым этапом справляется. Ты, считай, справилась. Настоящие обереги без наставницы делать не вздумай, это дело тонкое, в мелочи ошибешься, и все наперекосяк. А для себя по ерунде точно сможешь.

Я быстро полистала, сунулась в оглавление. Упражнения, наговоры, применение... здесь было о том, как превратить в что-то похожее на оберег обычную повседневную вещь.

Заговорить детский шарфик, чтобы ребенок не болел ангиной, или дамскую сумочку, чтобы ее не замечали воришки, и все в таком духе. Без гарантии, но хоть с каким-то эффектом.

— Спасибо, Иван Семеныч! Обязательно попробую. Но... простите, если глупость спрашиваю, но, Иван Семеныч, почему вы мне это даете? Я не в вашей группе, и вообще...

— «Вообще», — он покачал головой. — Знаешь, дочка, говорят, что помощь сироте судьбой зачтется, и я в это верю. Учись, будут вопросы — подходи. Сведу тебя с наставницей, если вдруг что.

Я снова его поблагодарила, мысленно отметив: вот еще одно, чего я не знала об этом мире. Помощь сироте, значит... Кажется, я начинала верить во всякую мистику. Потому что, каким бы странным все оно ни казалось с точки зрения моей прошлой насквозь материалистической жизни, но здесь оно работало. Здесь помогали сиротам и попавшим в беду, всерьез относились к клятвам и обещаниям, здесь не было поговорки «не пойман — не вор», зато была «не поймали люди — наказала судьба». Должно же этому быть какое-то обоснование?

Да и вообще, что называть мистикой в мире, где наговоры, обереги и ведьмовские снадобья изучают на курсах и получают право ими заниматься после сдачи экзамена и получения диплома?

Впереди были выходные. Меня ждал толстенный справочник — весь к понедельнику не изучу, но повторить то, что давала на занятии Александра Ивановна, нужно обязательно.

Купить халат, уделить немного денег на пряжу, прикинуть, что нужно Олежке и мне из зимней одежды и обуви — еще месяц-полтора, и наступят холода. Мне в сентябре казалось, что я кручусь как бешеная белка? Да я бездельничала!

А еще уделить внимание Олежке, а то за учебой совсем его заброшу. И пятничные посиделки с Верой не хочу отменять. Так что пеку по-быстрому пирог и вечером идем в гости, делиться

новостями. Неделя была насыщенная и интересная, будет о чем поболтать.

* * *

У Веры сидела еще одна гостья, высокая полноватая блондинка, которую я мельком видела на ярмарке.

— Мариночка! — встретила меня Вера. — А тут по твою душу. Познакомьтесь.

Сабрина Павловна, наш директор. Марина, моя подруга.

Олежка, застеснявшись незнакомой тети, утек хвастать Натусе школой, а мы сели в гостиной.

— Мне показалось неудобным заявляться без приглашения к вам домой, и я попросила Верочку познакомить нас у нее, — Сабрина Павловна говорила негромко, очень внятно и как-то весело — интонации скорее успешного делового человека, чем просто начальника. По первому впечатлению я бы сказала, что она умеет скорее убеждать, чем приказывать. — Верочка немного рассказала о вас. Марина, я вас прошу, не сочтите мой вопрос за вмешательство в вашу жизнь или праздное любопытство, у него есть причина. Вы не замечали за собой таланта к наговорам?

Честно говоря, я немного испугалась. О наговорах я знала только то, что успела прочесть в брошюрке Ивана Семеныча, а причин, по которым меня спросил бы об этом совершенно посторонний человек, не видела ни одной.

— Понимаете, — осторожно сказала я, — Вера вам сказала, наверное, недавно в моей жизни случилась трагедия, которая для меня, помимо прочего, закончилась полным опустошением резерва и амнезией. Так что теперь со своими талантами разбираюсь заново.

Но, кстати, мне как раз сегодня сказали, что обережный дар есть, звали на курсы.

— Пойдете?

— В ближайший год точно нет, я уже в группе фармацевтов занимаюсь, а там посмотрим. Но мне снадобья интересней. Правда, как там с талантом будет, пока неясно, курс только позавчера начался. Если будет получаться, хочу до мастера дойти.

— Уверена, что у вас получится, — кивнула Сабрина Павловна. — Марина, я, собственно, почему вообще завела этот разговор. Девочки подарили мне шаль недавно, Верочка говорит, вашей работы.

Я кивнула.

— Полагаю, обережный дар у вас действительно есть. Ваша шаль... пожалуй, это даже нечто более мощное, чем просто оберег. Не скрою, я пришла в восторг от работы, в ней уютно, и она мне идет. Короче говоря, я надела ее на важные для меня переговоры, хотя обычно предпочитаю строго деловой стиль. Так вот, все прошло более чем удачно. Потом был очень интересный тендер от городских властей, шансы его получить для нашего предприятия стремились к нулю, но, тем не менее, он наш. Потом еще несколько крайне удачных сделок. Просто невероятная полоса удач. Кое-кто сказал, что мне к лицу смена имиджа...

Трудно было не понять, к чему она клонит, но я все же спросила:

— А вдруг совпадение?

На лице Веры нарисовалось выражение «подруга, ты меня потрясает своей наивностью». Сабрина Павловна покачала головой.

— Марина, раз вы уже знаете о курсах обережников, должны знать и то, что ведут эти курсы весьма компетентные специалисты. Я попросила их проверить. Хотите знать, что они сказали?

Я хотела, еще бы. Приглашение Ивана Семеныча заиграло новыми красками.

— «Неоформленный наговор на деловой успех, примерно второго класса силы», — процитировала Верочкина начальница. Выражение лица Веры сменилась на «вот так новости!» и, полагаю, мое лицо выражало примерно то же самое. Второй класс силы — это мощно. Мне казалось, что мои способности куда скромнее. А неоформленный наговор — значит, сделанный на чистой силе, без концентрации мысленных образов в словах. Если я способна на второй класс в неоформленном наговоре, значит, по готовой словесной формуле легко выдам первый! Очень странно на самом деле: судя по письмам бабушки Тони, дар Марины был ярко выраженный, но по силе — ниже среднего.

— Я в шоке, — честно призналась я. — Наверное, и в самом деле нужно будет поучиться. Спасибо, что сказали.

— Это было вступление, — улыбнулась Сабрина Павловна. — Теперь к делу. Марина, у меня к вам два вопроса. Первый, собственно, риторический. Вы вообще знаете, сколько стоят обереги и заговоренные вещи такого класса? Я так понимаю, вы совершенно не в курсе были, что у вас получилось. Мои девочки тем более не знали, что мне дарят. Но это не причина делать вид, что ничего не произошло. Возьмите, — на стол лег конверт, я открыла его и некоторое время молча смотрела на пачку сотенных банкнот, пытаюсь осознать. Сумма казалась нереальной. Не из этого мира, а скорее из моих почти уже забытых прежних двухтысячных.

— Марина, поверьте, эта ваша работа именно столько и стоит, — мягко сказала Сабрина Павловна. Наверное, мое лицо было слишком красноречиво. — Это адекватная плата. Наше предприятие и лично я уже заработали намного больше. Благодаря вам, Марина.

А ведь еще и месяца не прошло.

— Интересно, как выглядела бы деловая жизнь, если бы такими возможностями пользовались все, — пробормотала я. — А кстати, почему не пользуются? Если специалисты есть?

— Пользуются, — Сабрина Павловна как-то очень жестко усмехнулась. — Но, видите ли, Марина, каждому специалисту лучше удаются наговоры своего направления. Плюс многое зависит от личной силы, плюс любой наговор со временем рассеивается. Вполне может получиться так, что эта статья расходов не столько принесет прибыли, сколько худобедно спасет от убытков, и на том спасибо. Обычно в балансе она идет рядом с охранными чарами и страховыми выплатами.

— Понимаю, — медленно кивнула я. — А второй вопрос?

— Никакие чары не держатся вечно. А вы, я так понимаю, сами не знаете, как именно сделали то, что сделали. Вспоминать лучше по горячим следам. Я хотела бы и в дальнейшем пользоваться вашими услугами. Более того, я готова доплачивать за то, чтобы эти услуги были эксклюзивны. Но для этого вам нужно разобраться со своим талантом. Марина, вы упомянули,

что вам предложили обучение. Я готова его оплатить. Под договор, что наговоры на деловой успех вы делаете только для меня и тех, кто придет с моей рекомендацией, разумеется, за адекватную плату. Остальное — в полной вашей власти.

— Очень заманчиво, — признала я. — Давайте так. Два варианта. Или я пройду эти курсы после того, как закончу свои. Или, если моя работа понадобится вам раньше, можно будет, я думаю, договориться о частной консультации.

— А потом в любом случае пройти нормальное обучение, — кивнула Сабрина Павловна. — Так и сделаем.

Деловая часть на этом завершилась, и Вера на правах хозяйки аккуратно переключила нас на чай с пирогом. Но, честно сказать, разговора ни о чем под чашечку чая у нас не получилось. Я была слишком ошарашена, а Вера вдруг вспомнила о двух других шаях, которые я связала.

— Четыре, — поправила я, — две по твоим заказам и две на ярмарку. И тебе довязываю.

— Не факт, что там наговор повторяется, — задумчиво сказала Сабрина Павловна. —

Хотя у наших девочек можно и проверить, интереса ради.

— Я тогда очень хотела подзаработать, деньги нужны были просто катастрофически,

— я пыталась вспомнить, что чувствовала и о чем думала, когда вязала эти шали. — Не просто заработать разово, я планировала вложить заработок в пряжу и успеть связать еще побольше всякого к ярмарке. Как раз деловой успех и получается, быстрый оборот средств и с хорошей прибылью, так?

— А о чем ты думаешь, пока вяжешь мою? — Вера подлила еще чая.

— О том, что ты замечательная, и чтобы у тебя все было хорошо. — Я покачала головой: — Ох, а ты права. Надо приучаться как-то, не знаю, очищать голову от всяких мыслей, когда вяжу. А то вот так выдам снова что-нибудь внезапное. Хотя теперь проблема срочного заработка снимается, — я с благодарностью взглянула на Верочкину начальницу,

— сосредоточусь на учебе.

— Вот и правильно, Мариночка, учись, — кивнула Сабрина Павловна. — К слову сказать, буду теперь знать, к кому за снадобьями обращаться. Если у вас случайный наговор такой силы, то и снадобья должны получаться крайне действенными.

— Раньше вроде обычные были, да и делала самое простенькое, — я вопросительно взглянула на Веру. Та фыркнула:

— Раньше тебе твой спиногрыз-алкоголик, уж извини, нервы мотал. А теперь ты стала спокойная, уверенная. Резерв качаешь, учишься. Бабушкины рецепты это хорошо, конечно, но дополнить их курсами всяко на пользу.

Плодотворно, в общем, посидели. Мало того, что узнала о себе много интересного, еще и серьезного клиента приобрела. Не говоря уж о том, что денег теперь хватит и на зимнюю одежду, и на книги. Транжирить не буду, но учебную библиотечку себе собрать — это святое.

А вязать буду Олежке, сейчас как раз актуально, холода не за горами. Активному мальчишке

теплых удобных вещей нужно много.

Вернувшись домой, я открыла блокнот и долго в задумчивости его листала. Список дел, список покупок для дома, для себя, для Олежки, список книг, список нужного для лаборатории... Скорее всего, как только начнутся занятия, сюда добавится список ингредиентов. Всегда любила составлять списки, они дисциплинируют, помогают ставить цели и не отвлекаться на второстепенное. Но сейчас этих списков как-то слишком много, и вроде бы все срочное, все важное, но еще немного, и я в этом срочном и важном утону.

Наверное, пора задуматься о приоритетах.

Но как решить, что сейчас для меня важнее — учиться, восполнять знания о мире, обустроить дом, заниматься сыном? Ничего из этого списка не выкинешь и не отложишь «на попозже», все важно и срочно.

«Делай что должно, и будь что будет», — вспомнилось вдруг. Это, конечно, не к домохозяйкам вроде меня относилось, но какая разница? Мысль-то правильная. А еще есть другая, тоже правильная, о пути, который начинается с первого шага. Ну, первый-то шаг я уже сделала, так что остается просто идти дальше.

Захлопнув блокнот, я посмотрела на часы и пошла укладывать Олежку.

* * *

Два месяца до первого экзамена слились для меня в бесконечный марафон, тяжелый, выматывающий, но безумно интересный.

Учить «наша мегера» Александра Ивановна умела, но в исключительно жестком стиле. Чтобы впихнуть в себя всю ту информацию, которую она оставляла для самостоятельного разбора, я сидела над учебниками и справочниками по пять — шесть часов каждый день. И еще по два часа тренировала практические навыки.

У школы были свои теплицы с искусственным климатом, практикумы по заготовке мы проходили там. «Справочник травника» и «Определитель растений» надолго стали моими настольными книгами, и оставалось лишь радоваться, что я не поддаюсь первому побуждению и не перекопала свой садик на картофельные грядки. Хотя, если уж честно, спасла меня от этой несусветной глупости только нехватка сил и времени на первых порах.

Теперь я гадала, какие именно травы найду там весной, и пыталась разузнать, где еще смогу пополнять запас ингредиентов.

Школьными теплицами пользовалась школа. Все, что мы там собирали, и все, что готовили на занятиях, шло для нужд школы. Вокруг города раскинулись поля поместий и фермерские хозяйства, кое-где там можно было что-то купить, и я на всякий случай записала все добытые контакты. Но был один очень важный нюанс — чем больше именно твоей энергии впитали ингредиенты, тем выше будет качество сделанного тобой снадобья. Именно поэтому мастера стремились заготавливать все сами, а что-то и выращивать. И то, что я делала упражнения на развитие силы в своем саду, пойдет очень на пользу тем травам, которые я там соберу, да и деревьям тоже.

К счастью, я жила на окраине, и между нашей Цветочной улицей и полями ближайшего поместья лежала широкая полоса неудобья: речка, рощицы, изрезанные руслами весенних ручьев лужайки. Земля считалась городской, летом там пасли коз, зимой ребягня каталась на

санках в овражках, и именно там стоило с первых же дней весны начинать разведку на предмет интересных и полезных травок. Пока же лили холодные осенние дожди, падал и таял неустойчивый первый снег, а мы на занятиях разбирали собранные в теплицах травы, сравнивали методы нарезки, сушки и хранения, тренировали наговоры сохранности и напитку ингредиентов энергией.

Самым шоковым из всех новых для меня знаний стало умение видеть — или ощущать, сразу и слова-то не подберешь! — сколько и какой энергии уже вложено в какой-нибудь пучок сухой травы или горстку растертых цветков. Теория здесь не помогала, нужно было довериться интуиции, «чутью». Это казалось непостижимым, но именно это умение делало ведьму — ведьмой. И отличало снадобья этого мира от привычных мне по прежней жизни аптечных сборов.

Ситуацию осложняло то, что каждый воспринимал энергию по-своему. Поэтому, впервые «увидев» нити и плетения наговоров разной силы и сложности, бесконечные оттенки намерений, жемчужные переливы и мягкое сияние чистой силы, оставалось лишь запоминать, что именно они означают, накапливать опыт, свою личную статистику.

Александра Ивановна неделю гоняла нас по образцам, и не все из них были безопасными. На этом этапе легко накладывались и порчи, и всякая прочая опасная муть. «Вот уж в сказку попала», — хмыкнула я про себя, ощутив гнилостные эманации порчи быстрого старения, болотную муть помрачения разума, липкую паутину приворота. Вот так и станешь параноиком.

Первое, что я сделала, научившись накладывать наговор сохранности и видеть результат — спустилась в подвал. Честно говоря, думала я только о своих грушах с яблоками:

они и так неплохо лежали, но почему бы не продлить фруктам время свежести? Так что я прошла напрямик к ящикам, сосредоточилась, развела руками, выпуская из ладоней силу и концентрируя намерение плавным напевом. Ящики окутались мягкой золотистой дымкой, аромат спелых яблок и груш стал сильнее и ярче, как будто в запах вплелись нотки летнего солнца. Я глубоко вдохнула, купаясь в этом чудесном запахе, и довольно улыбнулась.

Полезное умение.

А потом я развернулась к выходу, и взгляд упал на шкаф с Мариниными запасами.

Шкаф едва заметно мерцал такой же золотистой дымкой, вплетая в наполненный подвал аромат чуть заметную древесную нотку. Я открыла дверцы. Такая же дымка окутывала все сделанные Мариной запасы — правда, она уже почти сошла на нет, оставшись едва заметным флером. Никакие наговоры не держатся бесконечно долго, их надо подновлять, а Марина к тому же была довольно слабой по силе.

Я посмотрела на то, что запасала уже сама — мешочки с яблочной и грушевой сушкой и сушеным шиповником. Странно — на них тоже была эта дымка, хотя я уж точно ничего такого не делала. Просто не умела!

Я провела ладонью по дверце шкафа, по гладкой, приятной на ощупь полке. Руку защекотало ласково, словно мягким перышком. На мгновение почудилось, что и мои пальцы окутала все та же дымка.

— Опаньки, — пробормотала я. — Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес. То травяной сад под картофельные грядки чуть не раскопала, то зачарованный шкаф чуть под обычный книжный

не отдала реставрировать. Марина ведь слабая была, не факт, что она вообще умела этот наговор сама накладывать. Вполне могла и заказать шкафчик-хранилище. М-да, дела... Понять бы еще, почему я сильнее. Полчаса упражнений в день — и такой эффект?

Если нарастить силу так просто, почему вообще есть слабые ведьмы?

Я закрыла дверцы и пожала плечами. Вопрос, наверное, риторический. Делать каждый день зарядку тоже просто, а многие ли делают? Особенно из тех, кто жалуется на лишний вес? Лень-матушка, вот и весь ответ.

А вот интересно, как повлияет на ингредиенты, если я буду хранить их в этом шкафу, но и своей энергией подпитывать? По идее, для снадобий это будет лучше. А еще лучше, если я смогу сделать такой же шкаф, но со своей, а не чужой силой. М-да. Что-то даже страшно на такое замахиваться. Пожалуй, имеет смысл сходить на консультацию к Ивану Семенычу. Хотя нет, для начала спрошу у Александры Ивановны. А совсем для начала пороюсь в литературе, а то мой любимый монстр размажет меня тонким слоем за неумение читать.

Я рылась в справочниках полночи, на следующий день после занятия пошла в библиотеку, и за Олежкой прибежала на полчаса позже, чем нужно: просто выпала из времени. С ходу начала извиняться, Константин успокаивающе улыбнулся:

— Мы не скучали, Марина, не волнуйтесь. А что у вас стряслось? Могу помочь?

— Наверное, можете, только, боюсь, это дело не пяти минут. Мне нужна консультация. Не могу сама разобраться, знаний не хватает, а у Александры Ивановны страшновато спрашивать, не изучив предварительно вопрос.

Константин рассмеялся:

— Да, наша мастер Полева первым делом пошлет в библиотеку.

— Ну вот, а я только оттуда!

— С удовольствием помогу, рассказывайте.

Я быстро поцеловала Олежку, спросила:

— Не голодный? Не против, если мы немного задержимся?

— Марина, — укоризненно воскликнул Константин, — у нас здесь на территории прекрасная столовая! Пойдемте, я вас приглашаю.

— Это уже больше, чем консультация...

— Ерунда, не берите в голову. Рассказывайте, с чем у вас трудности? — Он поймал мой смущенный взгляд и демонстративно вздохнул: — Вы, в конце концов, мать моего ученика.

Тогда я и вывалила на него все свои вопросы. Даже те, о которых самой некогда было думать и тем более искать ответы — Константин так внимательно и располагающе слушал, что слова будто сами лились. Я даже толком не заметила, как мы дошли до столовой, как мой спутник заказал на всех обед, чай и сладкое, и замолчала, только когда передо мной очутилась тарелка с густым борщом, а Константин сказал, улыбнувшись:

— Приятного аппетита.

Домой в тот день мы добрались только к ужину, хотя насчет моего шкафа и сберегающих чар мой добровольный консультант все объяснил еще за обедом. Там все оказалось очень просто: запитанные под завязку энергией сберегающего наговора шкафы, сундуки, комоды и прочие хранилища очень даже популярны у травников, фармацевтов, аптекарей, имеющих мало сил для своих наговоров. Запасы ингредиентов нужны, а как их сохранить, если собственного наговора хватает на пару дней? Вот то-то. Но тут возник другой вопрос — моего наговора, даже по очень предварительным оценкам Александры Ивановны, должно было хватать уж как минимум на пару недель, а не дней. А в перспективе, если научусь как следует, и еще дольше. Хотя если судить и по доставшейся мне памяти прежней Марины, и — косвенно — по этому шкафу, я никак не могла рассчитывать на такие сроки.

Пообедав, вернулись в класс Константина, посадили Олежку за пластилин и занялись мной. Приятный и мягкий в общении, преподавателем Константин оказался таким же, работающим исключительно поощрением — сразу видно, что привык с маленькими детьми возиться. Он провел несколько тестов на уровень силы, показал несколько упражнений, даже не посоветовав, а практически приказав добавить их к утреннему комплексу. А потом начал отвечать на те мои вопросы, которые я и задать-то не сумела толком.

— Прежде всего я скажу одно — вы, Марина, большая умница. Не скрою, я поинтересовался, как вы жили раньше, какие были отношения в семье — не обижайтесь, это входит в мои обязанности, как учителя вашего сына. Мое мнение — брак не был для вас удачным. Вас затягивало болото нерадостной повседневности, вы теряли силы и, что намного хуже, желание развиваться. Кстати, раз уж такой разговор — вы ведь не интересовались заключением полиции о смерти вашего мужа?

Я покачала головой. И мысли такой не возникло. Похоронили, и ладно, дело закрыто, и слава Богу. А мне для полноценного шока хватило пары строчек в протоколе страхового агента.

— Стихийный выброс, — тихо сказала я.

— Спровоцированный агрессией в ваш адрес, — так же тихо добавил Константин. —

Вы ведь давали брачные клятвы, я прав? Дело закрыто с формулировкой «несчастный случай», но есть там пометка «возможный откат от нарушения клятв». Марина, простите, что поднимаю такую тяжелую тему, но ваш рассказ косвенно подтверждает эту формулировку. Вы стали сильнее, это может быть компенсацией.

Вот она, здешняя мистика во всей красе, то самое «не накажут люди — накажет судьба». И как такое в голове уложить? Логическое объяснение искать бесполезно. Как шутили мои внуки: «Магия!»

А я, выходит, все правильно поняла про клятвы...

— Но, понимаете, Марина, компенсация лишь дарит возможность. Дальше идут целиком ваши заслуги. Вы занимаетесь сыном, учитесь сами, ваша сила растет. Между прочим, мастер Полева отлично о вас отзывается. Продолжайте в том же духе, и вы сможете достигнуть очень многого.

— Спасибо, — я невольно улыбнулась. — Надеюсь, получится. Мне так нравится учиться у Александры Ивановны. Я так жду, когда же что-то сама сделаю не для тренировки, не на занятии, а на самом деле, когда начну всерьез этим заниматься... Знаете, Константин, это, наверное, странно и не очень хорошо, но я чувствую себя счастливой.

Он бережно пожал мне руку:

— Это правильно, Марина. И очень даже хорошо.

* * *

Уложить в голове все эти клятвы, откаты и компенсации, осмыслив их логически, я так и не сумела. Ну что ж поделать, если никогда прежде не верила во всякую мистику? Но здесь, очевидно, подобные явления проходили по категории научного факта, и оставалось просто принять то, что не в состоянии осмыслить. «В конце концов, — утешила я себя, — мало ли у нас строго научных теорий, которые не поддаются осмыслению человеком с базовой школьной программой и образованием другого направления? Да ладно наука, многие ли могут объяснить, как телевизор работает? А если здесь на уровне мироздания заложено, что честным быть выгодно... так и слава Богу!»

Тут же вспомнился дом, в который за неделю моей болезни никто не залез, и деньги за шаль от Сабрины Павловны, и объяснения Ксении Петровны о моей учебе. И множество других фактов и разговоров, прекрасно объяснявших эту теорию — или не теорию, а факт, если уж я решила принять все это как данность.

— Я просто буду это учитывать, — сказала я себе. Благо, это будет нетрудно: к своему слову я всегда относилась крайне серьезно. Скорее уж, это знание поможет мне меньше удивляться повсеместной честности окружающих. А ведь, может, именно поэтому здесь так спокойно и приятно жить. Интересно, могло ли именно это различие повлиять на ход истории здесь и у нас?

На следующий день я специально немного задержалась, чтобы зайти за Олежкой позже других родителей: хотела осторожно обсудить с Константином кое-какие возникшие мысли. Но разговор не получился: нам помешали. И помешали очень... шумно.

Я едва успела поздороваться и поцеловать Олежку, как дверь за моей спиной распахнулась и недовольный голос заявил:

— Андреева, ты почему не откликаешься, когда тебя зовут? Гоняться еще за тобой...

Хотя, похоже, так даже лучше получилось. Это и есть наш сын?

Я развернулась, окинула взглядом черноволосого мужчину в дорогом пальто. Никита, кто же еще. Красавчик, как с картинки — черные глубокие глаза, яркие полные губы, четкие линии лица, вот только брезгливо-недовольное выражение портило красоту.

Олежка попятился, а я спросила холодно:

— Вы в своем уме?

— Ой, вот только не надо снова этого «вы ошиблись, вы обознались, я вас не знаю»!

Марина Вольная, в девичестве Андреева, нет, не обознался.

Я медленно выдохнула и заговорила очень тихо и максимально спокойно:

— Повторяю вопрос: вы в своем уме? Наше весьма давнее знакомство не дает вам права...

— Андреева, прекрати! Строит тут из себя благородную. Есть у меня все права. Я собираюсь

забрать своего сына, это не обсуждается, а вот забирать ли с ним вместе тебя — зависит только от твоего поведения.

И Марина польстилась вот на это хамло?!

— Мама, кто это? — спросил Олежка.

Я лихорадочно соображала: может ли быть, что Марина родила сына не от Макса, а от Никиты? Маловероятно. Он родился через десять с лишним месяцев после свадьбы, так что залет до свадьбы отпадает. На Никиту Марина была обижена так, что восстановление отношений после тоже можно смело исключить. И уж не знаю, насколько стоит принимать всерьез брачные клятвы, но, если судить по моим снам, мужу она не изменяла.

— Олег, я твой отец, — пафосно заявил тем временем Никита. М-да. Я бы сейчас очень посмеялась, если бы этот дурдом не касался напрямую меня и моего ребенка. — Твой настоящий отец.

— Это сумасшедший, сынок, не подходи к нему близко, а то мало ли что в дурную голову взбредет. Вы, Никита, считать умеете? Или не знаете, сколько нормальная беременность длится, уж простите за неаппетитные для мужчин вопросы? Не знаю, что вам в голову стукнуло, но Олег — законный сын моего покойного мужа.

— Да ладно, рассказывай. Небось на лапу дала, кому нужно, вот и записали рождение на пару месяцев позже. Он ведь огневик. Ты, Андреева, слабенькая, почти бесталанная травница, твой муж, я узнавал, был абсолютно бесталанным, ни крупницы силы, а мальчик — огневик. В кого, по-твоему? Как я, как все мои предки. Ты могла бы это отрицать, если бы я пришел к тебе домой, но не в классе самого Константина Алексеева. Повторяю, очень удачно получилось. Мальчик огневик? — Никита развернулся к Константину. — Сильный?

— Во-первых, здравствуйте, — холодно сказал Константин. — Во-вторых, соизвольте представиться.

— Ах да, прошу прощения. Эта истеричная девица совершенно вывела меня из себя.

Давыдов, Никита Николаевич Давыдов. Рад приветствовать. Полагаю, вы обо мне слышали.

— Слышал, — кивнул Константин. — Признаться, никогда бы не поверил, что отпрыск Давыдовых может настолько хамски вести себя с женщиной.

— Хамски?! Да пусть радуется, что я пытаюсь решить дело миром! Вот что, Андреева, ты сейчас же пишешь отказ, один свидетель имеется, второго я сейчас найду. Я немедленно забираю ребенка и, так и быть, не подаю на тебя в суд за воровство наследника благородной фамилии.

— Может, мне на него в суд подать? — с нарочитой задумчивостью спросила я. — За клевету и оскорбления? Хотя нет. Пусть подает он. Кто я такая, чтобы мешать человеку выставять себя идиотом и хамом в глазах общественности? А я уж потом... встречный иск, так, кажется, это называется?

Никита покраснел и только открыл рот, как Константин рывкнул:

— Тихо! — и тут же, понизив голос, позвал спокойно: — Олег, иди сюда. Иди ко мне, парень, ну. Дыши медленно. Спокойно, все хорошо. Господин Давыдов, вам жить надоело?

А вы, Марина, забыли, на что способен ваш сын? Быстро оба успокоились и решили дело полюбовно. Олег, давай вместе, вдо-ох... вы-ыдох. Вдо-ох... стравливай пар, паровозик, выыдох.

— Даже так? — шепотом спросил Никита. — Андреева, ну вот что ты ерепенишься?

Любой суд же подтвердит, дар мальчика сам за себя говорит, это же банальная генетика.

Или цену набиваешь? Так скажи прямо, чего ты хочешь?

— Идиот, — я медленно выдохнула, успокаиваясь, подстраиваясь под размеренное дыхание Константина и сопение Олежки. — Ладно, так и быть, объясняю для любителей банальной генетики. Муж мой, конечно, был насквозь бесталанным, но у него в роду по обеим линиям огневики шли. Причем по отцовской — не просто огневики, а боевые, и тоже не по единственной линии: его бабушка по отцу была женой и дочерью боевиков огненной стихии. А о моих родителях вовсе ничего не известно, мало ли кто там затесался. Меня из-за этого даже со вторым ребенком осадили: сказали, восстановись сначала и резерв подраскачай, раз первый с таким даром удался, велика вероятность, что и второй таким же будет, а огневика носить — силы нужно много. И второе, Никита. Я супружеских клятв не нарушала и мужу не лгала ни в чем. А третье — думаю, не так уж сложно выяснить, когда на самом деле родился ребенок.

— И четвертое, — так же тихо добавил Константин, — Марина Витальевна вовсе не «почти бесталанная», как вы, господин Давыдов, изволили выразиться. У нее неплохой уровень силы и отличный потенциал. Ее ребенок вполне мог получить искру дара по отцовской линии, а силу — от матери.

Никита, не глядя, нащупал позади себя стул и сел, как будто разом утратив силы.

Выдохнул, уткнув лицо в ладони:

— Что же делать?

— Полагаю, прежде всего следует извиниться, — ответил на этот явно риторический вопрос Константин.

— А потом — уйти, — продолжила я.

— У меня нет детей, — выдавил Никита. Теперь он говорил тяжело и словно через силу, и почему-то казалось, что вот-вот расплачется. — Ни в браке, ни вне брака. Я консультировался... Никто не понимает, почему так, но самое вероятное предположение — откат. Но я не нарушал клятв, никогда. И тут я вспомнил, что ты, Андреева, считаешь иначе.

Ты обвинила меня тогда...

Я пожала плечами.

— Я по-прежнему считаю, что ты вел себя бессовестно. Но... — Я подумала вдруг, что со стороны, если действительно отрешиться от чувств обиженной глупой девчонки, ту ситуацию можно трактовать в пользу обеих сторон. — В общем, не имею ни малейшего желания ворошить старые обиды. И если все так серьезно... Как думаешь, мы можем просто простить друг друга и закрыть все старые счета? Должно помочь, если я правильно понимаю.

Он поднял голову, на лице вспыхнула надежда:

— Ты согласна?

— Конечно. Нет ничего глупее, чем годами лелеять обиды.

Никита повернулся к Константину:

— Будете свидетелем?

— Конечно, — кивнул тот. Олешка старательно сопел с ним рядом, уцепившись за руку, и я улыbnулась:

— Все хорошо, сынок.

— Меня не заберут? — всхлипнув, спросил он.

— Не заберут, — я опустила рядом с ребенком на колени и легонько поцеловала его в беленькую макушку. — Одуванчик ты мой. Я никому тебя не отдам.

— Почему одуванчик? — насупился малыш.

— Потому что беленький, — я дунула на длинную челку, — и пушистый. Постой тихо, мы уже совсем скоро закончим с этим дядей и поедем домой. Хорошо?

Никита встал, дождался, пока я подойду, и протянул руку.

— Я, Никита Николаевич Давыдов, прошу прощения у тебя, Марина Андреева, за все, чем тебя обидел вольно или невольно.

Я коснулась его ладони.

— Я, Марина Витальевна Вольная, в девичестве Андреева, прошу прощения у тебя, Никита Давыдов, за все, чем тебя обидела вольно или невольно.

Мы одновременно сжали руки и вместе произнесли:

— Прощаю.

Константин накрыл наши сомкнутые ладони своей:

— Свидетельствую.

Странное это было ощущение: как будто упал с души камень, которого никогда и не замечала. Я вдохнула полной грудью и удивленно покачала головой:

— Не знаю, как это объяснить, но я уверена, что получилось.

— Я тоже что-то такое чувствую, — признался Никита. — Спасибо, Андреева.

Я кивнула:

— Удачи и прощай.

Он распрощался торопливо и многословно, как будто пытаюсь скрыть за словами смущение, если даже не стыд. А когда, наконец, вышел, из меня как будто стержень выдернули: ноги отказались держать, я упала на стул и, крепко зажмурившись, задышала так же, как до того

дышал Олежка.

Константин взял мои ладони в свои, мягко сжал.

— Испугались? Вы отлично держались, Марина.

Из моего горла вырвался не то всхлип, не то смешок, и Константин сильнее сжал мои пальцы. От его рук в мои волной пошло тепло, мягкое и ласковое.

— Юные девочки бывают удивительными дурами, правда? — я открыла глаза и наткнулась на внимательный, изучающий взгляд карих глаз. Я впервые видела Константина без затемненных очков и невольно отвлеклась рассмотреть — недлинные, но очень густые ресницы, тонкий шрам через левую бровь, едва заметные морщинки в уголках глаз...

— Если с возрастом это проходит, то все нормально, — улыбнулся он.

— А вам сколько лет? — спросила я. — Ой... Я просто так спросила, интересно.

— Я понял, — он тихо рассмеялся. — Тридцать два. Совсем старый?

— Нет, — я не смогла удержаться от подначки: — Совсем взрослый. — И объяснила, вдруг смутившись: — Мои ровесники все-таки совсем еще мальчишки...

Теперь, кажется, и он смутился. Даже хорошо, что нам с Олежкой пора было домой.

Хватит на сегодня потрясений...

* * *

Дожди сменились метелями, снег укутал мой сад и двор, а Олежка деловито достал из кладовки санки. У нашей калитки теперь стояли почетной стражей два снеговика, высокий и пониже, а на грушу мы повесили кормушку — мой ответственный сынуля каждый день сам сыпал туда семечки и хлебные крошки.

Александра Ивановна посоветовала запастись снеговой водой: «Есть снадобья, для которых лучшей основы не придумаешь, заодно очистку и хранение отработаете». Я, по своей хомячьей привычке, взялась за дело с размахом. По хорошей погоде мы с Олежкой ходили за город кататься на санках с крутого склона оврага, и я набирала ведро чистейшего снега в нетронутым поле. На бутылки с талой водой наводила наговор, лепила дату с пометкой о фазе луны и постепенно заполняла полки в подвале. Запас карман не тянет.

А еще я умывалась снегом, с улыбкой вспоминая всяческие рассказы об экстремальном закаливании из прошлой жизни. Вовсе не в закаливании тут было дело. Мне хотелось быть красивой, мне хотелось набрать больше силы. Живая энергия снега давала то и другое. Я с удовольствием смотрелась в зеркало: белая кожа, нежный румянец, темные густые ресницы, которым совсем не нужна тушь. Даже глаза, кажется, стали ярче.

Снег в саду я не трогала: травам нужно укрытие от морозов, влага весной и чистая сила снегов и дождей. Не зря тепличным травам недостает энергии настолько, что приходится вдвое-втрое увеличивать их дозы в снадобьях.

Моими настольными книгами теперь стали «Рецептура сухих сборов» и «Тысяча оттенков чая». Целебные сборы я мешала точно по рецептам, а вот с чаями всю экспериментировала, благо

«тысяча оттенков» рассказывала именно об этом. Чайные смеси шли у нас обзорным занятием, хотя, по-хорошему, заслуживали отдельного курса. Там были свои нюансы: ароматы, настроение, взаимодействие трав и их пропорции. Лекарства делались по жесткому стандарту, чай же вполне мог стать авторским товаром.

На занятиях нам рецепты не давали, только общие принципы. «Умение приготовить лекарство начинается с умения найти рецепт», — говорила Александра Ивановна. И добавляла: «А заканчивается — умением его составить: истинный мастер подбирает рецептуру под каждый отдельный случай».

Между тем экзамен первой ступени неотвратимо приближался.

Странно, я совсем не волновалась. Читала справочники, набивала руку, смешивая всякое из найденных в шкафу трав, таскала Верочке дегустировать новые чаи и была абсолютно уверена, что все сдам как надо. Гораздо больше экзамена меня занимала сама собой возникшая традиция обедать вместе с Константином...

С ноября занятия стали дольше и серьезнее. Несколько дней после изменения расписания Олежка капризничал и жаловался на усталость, меня тоже вело, кружилась голова и знобило. Я не понимала, что происходит: на простуду не похоже, может, просто утомление? Мне уж точно было с чего утомиться. Может, и для мальчика занятия слишком тяжелы?

Я спросила об этом Константина... и после внимательного взгляда и быстрой, уже привычной проверки резерва нарвалась на самый настоящий выговор.

— Вы, Марина, обедать вовремя не пробовали? Занятия качают из вас энергию — из вас обоих, обратите внимание! Плюс мороз с ветром, домой, наверное, дольше теперь добираетесь? И заниматься стали дольше. Конечно, станет плохо. Спасибо скажите, что не свалились еще где-нибудь на полдороги! Есть хочешь, парень?

Олежка кивнул, а я мысленно выругала себя последними словами. Ведь на поверхности же лежало, совершенно очевидное объяснение!

Константин буквально отконвоировал нас в столовую. Мне было стыдно, я молчала, уткнувшись в тарелку, зато довольный Олежка и уминал за обе щеки, и болтал за двоих. А я, вслушиваясь в череду бесконечных вопросов малыша и в терпеливые, простые и подробные ответы, вдруг испугалась задним числом: у ребенка ведь самый «почемучкин» возраст, а я и на половину этих вопросов ответить бы не сумела. И не факт, что на остальные ответила бы правильно!

Повезло мне с этой школой, даже больше, чем я думала, повезло...

Так с того дня и повелось: я заходила за Олежкой, и мы втроем шли в столовую. За обедом я тихонько мотала на ус ответы на «детские» вопросы, а потом Константин провожал нас к автобусной остановке, и мы прощались до завтра.

Всего за месяц таких коротких встреч я привыкла к ним так, будто знала Костю всю жизнь. Да, Костей я стала его называть уже через неделю. Ему нравилось, он улыбался совсем по-мальчишески, и на «ты» мы тоже перешли легко и естественно. Он теперь звал меня Маришкой, обязательно спрашивал, как прошли мои занятия, иногда что-то советовал.

С его подачи мы с Олежкой теперь вместе делали перед сном несколько забавных упражнений

на управление «силой», для мальчика это была игра, а я уже через несколько дней ощутила, что контроль стал даваться легче.

Понемногу и очень осторожно я тоже расспрашивала Костю, слово к слову собирая картинку его жизни. Одинок. Оба родителя были стихийниками-огневиками и погибли «на службе» — уточнять я не стала, зачем ворошить больное. Живет в родительской квартире в центре города, и после того, как расстался с невестой, узнав случайно, что той нужен не он, а его квартира, стал очень осторожен с женщинами. А любовь к детям и жажду большой семьи в какой-то мере удовлетворяет на работе.

Наверное, можно было спросить обо всем и прямо, «в лоб», но я опасалась выдать свой слишком личный интерес. Чутье подсказывало, что с этим мужчиной нельзя торопиться. Возникшие между нами дружба и симпатия — уже намного больше того, что он обычно себе позволяет.

Зато, помня, где лежит путь к сердцу мужчины, я очень быстро изучила его пристрастия в еде. И втайне порадовалась, что они совпадают с моими: Костя любил мясо, кашам предпочитал картошку, а главное — не признавал чая без выпечки. Сладкоежки бывают разные: я, например, равнодушна к конфетам, а вот кусочек тортика — это да!

Правда, при таких вкусах приходится очень внимательно следить за фигурой...

А еще он, как и я, всегда пил чай. Никаких соков, компотов, кофе, молока или газировки. Чай в нашей столовой давали почему-то только черный, Костя брал к нему лимон и два бруска кускового сахара. Я как-то спросила у него, какой чай он предпочитает дома, и получила в ответ пожатие плеч и шутливое:

— Крепкий и сладкий.

На следующий день я принесла ему десяток пакетиков собственноручно намешанных чайных сборов: с ромашкой и лепестками роз, с кусочками сушеных фруктов, с цедрой лимона и апельсина, с мятой и травами.

— Я еще не сдала экзамен, но, может, рискнешь попробовать? Сама делала.

Костя аккуратно открыл первый пакетик, понюхал и довольно прижмурился:

— Чудесно. Если хочешь, можем считать это репетицией экзамена — я попробую все и расскажу тебе о впечатлениях. Как тебе такая идея?

— Отлично, — я улыбнулась. Я выбрала для Кости те из своих экспериментов, которые нравились и мне, и Верочке с Ильей. Если — то есть когда! — когда сдам экзамен, придумаю для них красивые названия, чтобы не светить рецептуру, и выставлю пробную партию на рождественскую ярмарку. Должно пойти. Нужно только подумать над праздничным оформлением...

Косте я эту идею обязательно расскажу, но после того, как он поделится впечатлениями. А лучше и вообще после экзамена, чтоб не сглазить. Нет, я верила в свои силы и знания, но мало ли... Я булькнула кусочек лимона в свою кружку и призналась:

— Волнуюсь. У меня все получается, я все знаю, и все равно волнуюсь. Глупо, правда?

— Естественно, — Костя утешающе и нежно пожал мне руку. — Было бы хуже, если бы совсем

не волновалась. Самомнение рано или поздно приводит к беде. Но у тебя все получится, верь мне.

Я молча кивнула.

А на следующий день выслушивала вполне, кажется, искренние восторги по поводу первого продегустированного чая. И, хотя я еще не делилась с Костей своими планами, он сказал мне практически то же самое:

— Делай партию и запускай в продажу. Такое пойдет.

— Я так и хотела, — кивнула я. — Экзамен только сдать...

— Сдашь, — заверил Костя.

Экзамен прошел так буднично, что и сказать нечего. Три мастера ходили по классу, смотрели, как мы готовим выпавшие нам задания, задавали вопросы по курсу. Как по мне, намного легче, чем сама учеба. Тем удивительней было услышать, что почти половина группы срезалась на элементарных теоретических вопросах.

Ну что ж, и правильно. Зря нам, что ли, списки для самостоятельной работы давали?

Что толку в умении правильно порезать, растереть, взвесить и смешать, если потом ссыплешь все это в неподходящую тару? Или ошибешься во времени сбора? И вообще, как любит повторять наша Александра Ивановна: «Любое сомнение в вашем мастерстве трактуется в пользу ваших будущих клиентов». Насмотрелась я в прошлой жизни на некомпетентных врачей...

А я уходила домой с сертификатом, дающим право заготавливать ингредиенты и изготавливать сборы. Первая ступень профессии, уже даст заработать на кусок хлеба, а если подойти к вопросу с умом, так и на масло с икрой хватит. И я собиралась сегодня же позвонить Ксении Петровне, похвалиться первым успехом и сказать, что кое-что уже могу делать вполне официально.

Но сначала я похвасталась Косте и Олежке. Влетела в класс, с размаху обняла обоих и сообщила:

— Сдала!

Костя расхохотался и закружил меня, подхватив на руки:

— Умничка. А я говорил, что все у тебя получится. Отличница ты наша!

Довольный Олежка с визгом прыгал вокруг.

А потом мы пошли отмечать. Как говорится, война войной, а обед по расписанию, ну а к обеду мы дружно решили добавить по огромному куску шоколадного торта. Я бы, пожалуй, и бокалом вина с удовольствием отметила, но при ребенке пить не хотелось, да и Костя на работе. И мы дружно подняли вместо бокалов чашки с чаем.

— За тебя, Маришка, — Костя широко и счастливо улыбнулся, — за твои теперь уже не только учебные, но и профессиональные успехи!

— Спасибо, — я улыбнулась, поглядела на Олежку и добавила: — И тебе, сынок, спасибо, как

хорошо, что ты пошел в школу, и я вместе с тобой.

Мой малыш расцвел улыбкой.

— Да, парень маму не посрамит, — подмигнул ему Костя. — Способный ученик, не нарадуюсь.

— Дядя Костя, а приходите ко мне на день рождения, — выпалил вдруг Олежка. —

Мне в это воскресенье пять лет будет, вот!

Тот перевел взгляд на меня, а я почувствовала, что краснею. Я ведь все больше привыкаю видеть его каждый день — пусть без особой страсти, почти по-семейному, но мне именно так и нужно. Спокойствие, надежность и постоянство... а ведь я, пожалуй, была бы счастлива, если бы именно Константин сумел дать мне это.

— Приходи, — сказала я, — если тебе удобно, конечно. Мы с Олежкой оба будем рады.

— Тогда приду, — кивнул он в ответ.

* * *

Олежкины пять лет отметили весело. Собралась соседская детвора — я сказала сыну, что он может пригласить, кого захочет, а захотел он, кажется, всех, до кого смог дотянуться.

Все же школа и наши вылазки с санками сделали мальчика намного более общительным и уверенным в себе, чем был он поначалу.

В сад я попросила детей не заходить, объяснив: там растут очень ценные целебные травы, и истоптанный снег может им повредить. Зато двор целиком отдала для игр. Лепили снеговиков, потом ребята постарше затеяли строить снежную крепость и устроили самое настоящее сражение. Я записала себя в «красный крест» и строго велела всем раненым тут же обращаться, но обошлось, до синяков и слез не дошло.

В самый разгар сражения появился Костя. Тихонько прошел по краю «поля боя», остановился со мной рядом и как-то очень естественно приобнял за плечи. Я улыбнулась ему:

— Спасибо, что пришел.

Мы смотрели на играющих детей, и я чувствовала, что вот сейчас, в это мгновение, в моей здешней жизни все правильно. Уютный дом, веселый, здоровый и счастливый сын, мужчина, с которым хочу быть вместе. И он, как мне кажется, тоже этого хочет...

Дети не любят чинно сидеть за столом, поэтому с угощением я не заморачивалась.

После игр на улице, отряхнув раскрасневшуюся и запыхавшуюся орду от снега, накормила всех котлетами с картошкой, а потом выставила на стол огромный шоколадный торт.

А потом уставшие и сытые дети разошлись по домам, и мы остались втроем. Олежка клевал носом, все же привык уже днем спать, но так явно не хотел идти в свою комнату и так жалобно посмотрел на Костю и попросил не уходить, когда тот начал было собираться...

— Сегодня твой праздник, сынок, если хочешь посидеть с нами еще, посиди, — я взяла его на руки, поцеловав в светлую макушку. — И дядя Костя посидит еще немного, да?

— Ладно уж, — тихо рассмеялся тот.

— У меня такой хороший день рождения, — малыш зевнул и обнял меня, прильнул к груди. Спросил сонно: — Ты мне потом считаешь?

— Конечно, маленький мой.

— А сказку расскажешь? Сейчас?

Я покачала головой:

— Ну, давай расскажу.

Почему-то все прочитанные здесь сказки напрочь вылетели из головы. Прежде — меня уже не тянуло говорить о прошлой жизни «дома» — укачивая, как сейчас Олежку, дочек или внуков, я никогда не рассказывала те сказки, которые мы читали. Почитать книжку — это был один ритуал, а рассказать сказку на ночь — совсем другой. Наши сказки на ночь всегда были о нас, о семье.

— Жил-был маленький мальчик, — тихо начала я. — У него была мама, которая очень сильно его любила, была своя комната в большом и уютном доме, много книжек, друзей, раскраски и цветные карандаши, санки и отличная горка недалеко от дома, чтобы кататься. И только одного мальчику не хватало — он очень хотел поскорее вырасти и пойти в школу, чтобы быть уже совсем большим мальчиком. А то ведь обидно получалось — девочка из соседнего дома, с которой он любил играть, уже должна была пойти в первый класс и начала даже немножко зазнаваться, что она будет совсем большая. Но ведь наш мальчик знал ровно столько же букв, и так же умел считать до двадцати и посмотреть на часах, сколько времени — то есть, он точно так же мог уже идти в школу и тоже стать большим. Правда, Олежек?

Малыш хихикнул и кивнул.

— И вот однажды, — продолжала я, — к мальчику и его маме пришли гости. Не совсем обычные гости, не такие, какие приходят просто попить вместе чаю и поболтать о всяком разном. Это были сказочные гости, которые помогают исполниться самым заветным желаниям. Они посмотрели на мальчика и сказали: «Да ведь он уже почти совсем большой.

Пора в школу». А потом посмотрели на маму и сказали: «Вот это да, в этом доме в школу пора не только мальчику, но и его маме!»

Олежек снова хихикнул. Костя, кажется, тоже.

— На самом деле мы все знаем, что было дальше, правда? Малыш пошел в школу и стал уже не малышом, а совсем большим мальчиком, а мама...

— Тоже пошла в школу и стала уже совсем большой мамой, — негромко подсказал Костя.

Теперь мы засмеялись втроем.

— Хорошая сказка? — спросила я.

— Да-а, — протянул Олежек, обнимая меня крепче.

— Ну что, большой мальчик, пойдешь спать?

— Ага-а.

Я на руках отнесла Олежку в его комнату, помогла раздеться и уложила. Кажется, он заснул даже раньше, чем я подоткнула ему одеяло.

Костя ждал, стоя у окна гостиной. Смотрел на заснеженный сад, а я остановилась в дверях и засмотрелась на него. Прежняя Марина, насколько я узнала ее по снам, на такого мужчину не клюнула бы, ее притягивали откровенные мачо, она западала на парней, любивших показать силу и власть. А мне нравилось исходящее от Кости спокойствие, ощущение уверенности. В нем горела сила, которую не нужно выпячивать, которая не требует самоутверждения.

Он обернулся, почувствовав мой взгляд. Улыбнулся озорной, мальчишеской улыбкой, поправил очки и вдруг сказал:

— Мне кажется, что твоя сказка еще не окончена. Чего-то в ней не хватает.

— Я знаю, чего, — я подошла к нему и встала рядом. За окном шел снег, крупные хлопья кружили в воздухе, мягко опускались на ветви яблонь, на сугробы с цепочками птичьих и кошачьих следов. А запах одеколona Кости был летним, солнечным и жарким — очень тонкий, едва заметный, я совсем не ощущала его, когда мы пили чай, но теперь чувствовала, и хотелось вдохнуть глубже.

— Все хорошие сказки заканчиваются примерно одинаково, — подсказал Костя. —

«И жили они долго и счастливо».

Я смотрела за окно, но точно знала, что Костя сейчас смотрит на меня. Его взгляд ощущался, как мягкое, ровное, ласковое тепло, как нежные, почти неощутимые прикосновения, и от этого кровь жарко прилиwała к щекам. «Блондинки слишком легко краснеют, — с досадой подумала я, — все на лице написано. А с другой стороны, чего мне стыдиться? Я свободная женщина, он свободный мужчина, и пока что все между нами шло, как нужно».

— У мамы из моей сказки тоже было свое заветное желание, — тихо сказала я. —

Почему-то мне кажется, что оно тоже исполнилось. Почти исполнилось.

Костя обнял меня, развернув к себе, и я запрокинула голову, всматриваясь в его лицо.

Сердце билось, как сумасшедшее, душа замерла, готовая взлететь, и только разум, умудренный опытом прошлой жизни, казался, усмехался: «Ты как маленькая, как в первый раз влюбленная шестиклассница. Неужели сама не видишь, что он тоже тебя любит?»

— Сними очки, — попросила я. — Хочу видеть твои глаза.

Он снял очки, сложил их небрежным привычным движением кисти и спрятал в кармашек пиджака. Сказал преувеличенно серьезно:

— А еще они целоваться мешают, я знаю.

— Мальчишка, — рассмеялась я. И сама потянулась за поцелуем.

Губы Кости были мягкими, нежными и умелыми, а руки легли на мою талию осторожно и в то же время уверенно. Я обвила руками его шею, привстав на цыпочки, почему-то мне безумно нравилось, что я ниже его почти на голову, нравилось ощущать себя хрупкой девочкой рядом с

сильным мужчиной. Каждый поцелуй был долгим и неторопливым, словно мы оба, не сговариваясь, решили никуда не спешить, не форсировать события, а просто наслаждаться каждым мигом новых отношений. Ладонь Кости скользнула вверх по моей спине, зарылась в волосы, поглаживая, придерживая, не давая отстраниться — да я и не собиралась отстраняться! Наоборот, прильнула всем телом, отчетливо ощутив его желание, и открыто посмотрела в глаза.

Можно ли взглядом передать любовь? Не знаю, но я очень этого хотела. «Мне не нужно постельное приключение, пусть даже долгое. Не нужно безумие страсти. Мне нужен ты. Мужчина, рядом с которым моя душа хочет петь, который уже стал близким и родным.

Верный, надежный и нежный. А главное — чтобы и я тебе была так же нужна».

Костя отстранился первым, очень осторожно, не отпуская моего взгляда. Мои ладони скользнули ему на плечи, и я мимолетно удивилась, почему ощущение шершавой ткани под пальцами кажется ярким и возбуждающим.

— Станешь моей женой? — Костя смотрел мне в глаза, и я отчетливо видела в его глазах страх ответа — и в самом деле, как у мальчишки. — Я не стану говорить, что не могу без тебя, если откажешь — смогу, куда денусь. Но, Марина, милая, я не хочу без тебя. Хочу с тобой. Быть с тобой, жить с тобой. Просыпаться с тобой рядом. Парня твоего на плечах катать. Второго у тебя выпросить. А, Мариш?

— Второго — это аргумент, — я сморгнула дурацкие слезы. Какие вообще слезы могут быть, когда я так невероятно, невозможно счастлива? — Я тоже хочу быть с тобой, Костя. Да, я стану твоей женой. С радостью.

Он подхватил меня на руки и закружил по комнате, и я с трудом удержалась от счастливого визга, только зашипела:

— Тихо, ребенок спит!

— Вот и хорошо, что спит, — шепотом отозвался Костя и принялся меня целовать:

горящие щеки, дрожащие от смеха губы, сцеловывать слезы из уголков глаз. — Маришка, ты невероятная! Как можно смеяться и плакать одновременно?

— Элементарно, — ответила я, — от счастья. Я счастлива, Костя. Очень счастлива.

Эпилог. Построить дом, посадить дерево, вырастить сына

— Мишка. Тошка! Где вас носит, хулиганы мелкие? — Высунувшись в окно, я осмотрела, насколько хватило обзора, двор и улицу, но увидела только Олежку, валявшегося на лоскутном одеяле на травке, с книжкой и тарелкой пирожков. — Олег, ты близнецов не видел?

Мой старший поднял голову:

— Вроде на улице носились со всей компанией. Позвать?

Он вскочил, не дожидаясь моего ответа, и помчался за калитку. «Эй, мелочь, — донеслось до меня, — мать зовет, не слышали, что ли?»

Я улыбнулась, покачав головой: в свои одиннадцать Олежка в очередной раз решил, что он «совсем взрослый», и теперь у него все стало строго: «мать», «батя», и никаких «Олежек» и «сынков», а только «Олег» и «сын». Но все равно приходит, когда я рассказываю младшим сказки на ночь.

Сыновья ввалились в калитку вместе с Костей. Я выбежала навстречу, повисла у мужа на шее:

— Вернулся. Как ты, устал? Все нормально? Кормить или...

— Маришка, не тараторь! — ничуть не смущаясь детей, Костя подхватил меня на руки и заткнул рот поцелуем, долгим и особенно сладким после разлуки: с началом каникул он, как любой сильный стихийник, уезжал на месячные военные сборы. — Маришка, любимая моя девочка, как же я соскучился!

— А мы! — с двух сторон повисли на нем близнецы Мишка и Антошка. — Мы тоже соскучились!

Отпустив меня, Костя сгреб в охапку детей.

— Подросли, хулиганы мелкие! Вы, парни, без меня занимались? Проверю!

— Занимались, а как же, — серьезно ответил Олежка. — У нас, бать, все четко по расписанию.

— Идемте уж обедать, — позвала я. — Сейчас мы папу накормим, а потом он нам все-все расскажет, что было интересного.

Рассказывал Костя детям многое, даже такое, что меня откровенно пугало. Но я не спорила: все три сына — огневики, чем раньше они поймут, насколько это серьезный и опасный дар, тем лучше. Да и потенциал у них такой, что вопросов о будущей карьере не возникает — стихийники такого уровня работают только на государство. Святая обязанность, как здесь говорят. И случись какая заварушка — дома им не отсидеться.

Строго говоря, я тоже считалась военнообязанной, но моим делом были целебные снадобья, так что я всего лишь проходила ежегодную переаттестацию. Принимала ее, в числе прочих мастеров, мой любимый монстр Александра Ивановна, и как-то незаметно повелось, что я стала считаться ее личной ученицей. Прошлым летом она даже позвала меня с собой на Кавказ, заготавливать редкие ингредиенты впрок. Отличный получился отпуск — поехали на двух машинах, мастер Полева с мужем и мы с Костей и мальчишками. Купались в холодных горных речках, обдирались о колючую ежевику, загорали на диких каменистых пляжах... Домой вернулись нагруженные так, что мощные армейские джипы едва тянули.

Этим летом поехать вместе с Александрой Ивановной нам помешали Костины сборы

— Полевы рванули в Сибирь, едва закончился учебный год. Но Костя обмолвился, уезжая, что можно будет догнать их в августе, так что я собиралась уже завтра поговорить с ним об этом.

Мастером-фармацевтом с именной печатью я стану если не в этом году, так в следующем, а вот до мастера-травника мне нужно еще не меньше пяти таких экспедиций. А я собиралась со временем догнать в мастерстве Александру Ивановну.

Впрочем, в одном я уже ее обогнала — три года, как среди моих лицензий почетное место занимает «мастер чая». А началось все с нескольких десятков пакетиков, красиво оформленных к Рождеству, на ярмарке через две недели после моего первого экзамена. И еще

— с той самой шали, заговоренной на деловой успех... Мы с Сабриной Павловной столкнулись на ярмарке, я угостила ее своим чаем, а через неделю мы подписали договор о совместном производстве. Очень успешное оказалось дело. Я подъезжаю на фабрику на несколько часов в неделю, обрабатываю чайный лист — на здоровье, и готовые упаковки — на сохранность, и уже это дает нам неплохой бонус. Но я еще и разрабатываю новые рецепты, и полностью сама, как положено мастеру, делаю эксклюзивные партии — их у нас с руками отрывают, несмотря на цену. Выкупили на паях с Сабриной Павловной и Александрой Ивановной большое хозяйство за городом, там теперь для нас выращивают травы. А я подумываю о покупке чайной плантации, в прошлогодней поездке присмотрела несколько очень неплохих вариантов.

В общем, хоть с Костей я как за каменной стеной, но на шее у мужа не сижу, и он может гордиться, что жена состоялась как профессионал. И остается время заниматься домом и детьми, читать, вязать, ходить в гости...

Остаток дня прошел в рассказах Кости, в моих попытках подсунуть еще кусочек вкусенького, в бессвязном обмене новостями за весь месяц: Тошка научился гонять на роликах, а Мишка еще плохо держит равновесие, Олег тренирует наговор на сохранность — пока даже не на моих травках, а на смородине и вишне, но получается совсем неплохо для его возраста. «А еще мы с матерью ездили в поля на велосипедах, привезли два мешка травок, и она теперь не вылезает из лаборатории». «Ну да, не вылезая, новая серия чаев будет называться «Летнее солнце», правда, здорово?». «Попробовать дашь?»

В общем, отличный был день и счастливый вечер. А когда мальчишки заснули, и мы с Костей закрылись в спальне...

Я соскучилась до боли, я льнула к любимому, и мне всего было мало — ласк, поцелуев, близости. А он был нежен, так невероятно нежен, что в какой-то момент я даже испугалась: вдруг взбрело в голову, что это больше похоже на прощание, чем на встречу.

Хорошо, что Костя тут же почувствовал мой приступ паники и заставил признаться вслух, чего боюсь. Выслушал, покачал головой:

— Глупая моя девочка, что за ерунду ты себе надумала! Просто я тоже соскучился, — и тут же, не давая ответить, осыпал поцелуями лицо, шею, грудь... И я заставила себя забыть о всяких глупых страхах.

Утром он сказал:

— Кстати, встретил твоего бывшего на сборах.

— Кого? — не поняла я.

— Давыдова. Просил тебе спасибо передать. Пацан у них. Нашим ровесник, и тоже с даром.

— Ну и слава Богу, — отмахнулась от новости я. Вот уж придумал, и правда, когда Никиту вспомнить! Я потянулась, зарылась пальцами во взъерошенные со сна Костины вихры, потянулась поцеловать. Магию момента прервал будильник.

— Я его сломаю, — пообещал Костя.

Я вздохнула:

— Толку-то? Мальчишки рано подскакивают, так что придется и нам вставать. Давай лучше о

поездке порешаем. Александра Ивановна звонила на днях из Камня.

Костя приподнялся на локтях, заглянул мне в лицо:

— Солнышко, ты уверена, что выдержишь такую дальнюю поездку? Может, лучше куда поближе?

— Ты о чем это? — подозрительно спросила я.

— А ты еще не знаешь? — он засмеялся и вдруг щелкнул меня по носу: — Эх ты, ведьма! — Обнял меня за талию, положив голову на живот. — Почему-то мне кажется, что в этот раз будет девчонка. И не огневик, а травница Я села, закрыла глаза. Костя оказался прав, биение новой жизни уже ощущалось едва заметным наложением ауры. Золотая и зеленая, теплая, ласковая...

— Да, похоже, и правда травница. Вот и хорошо, разбавим ваш дружный мужской коллектив огневиков. Наконец-то и мне будет, кого учить, — я крепко обняла Костю. —

Спасибо, милый. — А потом, отстранившись, ткнула пальцем ему в грудь: — А в Камень все равно поедем! Полевы нас там ждут, и мальчишкам тайгу повидать интересно, и у меня на таежные чаи планов куча. Или, по-твоему, я себе микстурку от токсикоза не сварганю?!